Koscheleff, Was ist jetzt zu thun?

ЧТÒ ЖЕ ТЕПЕРЬ ДѢЛАТЬ?

А. КОШЕЛЕВА.

BERLIN.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK)

3. UNTER DEN LINDEN 3.

1879.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ ДѢЛАТЬ?

А. КОШЕЛЕВА.

Какъ ни напяливайте дѣтскаго платья на юношу, какъ ни насилуйте его стремленій, какъ ни подавляйте его порывовъ — природа возьметъ свое, и вы можете достигнуть только одного — сдѣлать изъ него бездушнаго пошляка или скрытнаго негодяя или отчаяннаго сорванца.

BERLIN.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK)

3. UNTER DEN LINDEN 3.

1879.

2 шк
К

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА
3360
25

Не охота а нужда заставляетъ печатать за границею.

Правительство, чрезъ свой Вѣстникъ, и самъ Государь, рѣчью, произнесенною въ Кремлѣ, вызываютъ насъ содѣйствовать имъ къ подавленію злостной пропаганды нигилизма и къ востановленію мира и порядка въ странѣ нашей. Нѣкоторыя земства, вслѣдствіе этаго, было хотѣли высказать свое мнѣніе; но администрація наложила печать молчанія на ихъ уста. Цензура по дѣламъ печати еще строже въ этомъ отношеніи. — Что же дѣлать? — Молчать? — Но полезенъ ли такой отвѣтъ? Согласенъ ли онъ съ совѣстью и достоинствомъ гражданина? Этаго ли ожидаетъ отъ насъ Царь, освободившій крѣпостныхъ людей, даровавшій намъ земскія учрежденія и обращающійся къ намъ съ рѣчью милостивою и вызывательною?

Хотя мнѣ очень не хочется печатать за границею, однако, скрѣпя сердце, на это рѣшаюсь, ибо считаю молчаніе, въ нынѣшнихъ обстоятель-

ствахъ, болѣе чѣмъ предосудительнымъ. Быть можетъ, въ печатаемой книжкѣ, нѣтъ ничего новаго — ничего особенно существеннаго; успокоиваюсь тѣмъ, что подалъ свой посильный голосъ и, такимъ образомъ, исполнилъ сколько могъ, гражданскій долгъ вѣрноподданнаго.

Надѣюсь что, въ неблагонамѣренности, никто, по крайней мѣрѣ, меня не обвинитъ.

А. КОШЕЛЕВЪ.

6 Августа 1879.

I.

Мы переживаемъ теперь времена тяжкія, очень тяжкія и тѣмъ болѣе для насъ тяжкія, что они наступили послѣ нѣкоторыхъ оживленій и что мы уже не тѣ люди, какими были тридцать лѣтъ тому назадъ.

Петръ I., пораженный и очарованный успѣхами и произведеніями европейской цивилизаціи, и одушевленный любовью къ своей странѣ и желаніемъ хотя насильственно двинуть ее впередъ, сбрилъ намъ бороды, одѣлъ въ немѣцкое платье, призвалъ къ намъ толпу иностранцевъ и думалъ, хотя палкою и кнутомъ, превратить насъ въ Европейцевъ изъ отсталыхъ, въ стародавнихъ обычныхъ колѣяхъ глохнувшихъ бояръ, приказныхъ и иного рода сидней. Онъ не побоялся труда, не погнушался имъ, взялъ въ свои руки топоръ, рубанокъ и молотъ, и дѣятельно принялся за свое дѣло. Быть можетъ, въ избранномъ способѣ дѣйстій, онъ отчасти былъ и правъ: русскій человѣкъ, хотя и даровитъ, смышленъ и энергиченъ, однако онъ охотно предается лѣни и бездѣйствію, если что либо внѣшнее не заставляетъ его выдти изъ обычнаго спокойствія.

Безъ Петра Великаго, пожалуй, мы были бы далеко отъ того положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Премудрая Екатерина, убѣжденная что одною внѣшностью, одними вещественными позаимствованіями, мы далеко не уйдемъ, и что, и съ бритою бородою и съ французскими кафтанами, мы останемся, въ умственномъ отношеніи, рабами Европы, вошла въ письменныя и личныя сношенія съ Вольтеромъ и энциклопедистами, созвала въ Москву, для начертанія проэкта Уложенія, коммиссію, которой дала въ руководство наказъ, основанный на мнѣніяхъ Монтескьё и Беккарія, основала академіи и разныя учебныя заведенія, и принимала самыя сильныя мѣры къ возбужденію умственной дѣятельности въ Россіи. Но ни платье, ни наука еще не составляютъ всего человѣка: нужно было русскихъ двинуть въ практическомъ, въ житейскомъ отношеніи. Либеральныя убѣжденія Императора Александра I., разныя мѣры, имъ, въ этомъ смыслѣ, возбужденныя и отчасти принятыя, дѣйствія французской революціи на Европу, противудѣйствіе Англіи деспотизму Наполеона I., и въ особенности событія 1812—15 годовъ, оживили Россію такъ, что возникли въ ней даже преждевременныя стремленія, надежды и попытки. Послѣдніе годы этого царствованія не соотвѣтствовали первымъ его восемьнадцати годамъ: вліяніе Меттерниха на нашу дипломацію, дѣйствія Аракчѣева на внутреннію администрацію, и усилія Магницкаго съ товарищами къ подавленію въ Россіи всякаго свободнаго мышленія

— вызвали образованіе разныхъ тайныхъ обществъ, и въ заключеніе — несчастныя событія 14 декабря 1825 года. Послѣдовавшее за тѣмъ царствованіе, длившееся тридцать лѣтъ, было крайне тяжело для Россіи; но оно не осталось для насъ безъ полезныхъ послѣдствій. До этого времени, мы жили жизнью не своею, а по большей части позаимствованною: Петръ одѣлъ насъ по немѣцки; Екатерина заставила насъ думать по французски; а при Александрѣ I. уже политическая жизнь Европы насъ обхватила и прельстила, и мы чаяли, если не нынѣ, такъ завтра, получить конституцію и быть Лафаетами и Мирабо нашего отечества. Мы сочиняли для Россіи проэкты конституцій и отвозили ихъ въ Парижъ къ Бенжамену Констану на просмотръ и исправленіе. Этимъ путемъ долѣе и далѣе мы идти не могли: еслибы даже получили конституцію, о которой мечтали наши тогдашніе либералы, то или она осталась бы совершенно безъ всякаго дѣйствія, т. е. только на бумагѣ, или, что́ еще хуже, пришлось бы намъ ломать свой бытъ, и давать ему совершенно несвойственное направленіе — создавать аристократію, безъ которой не возможны двѣ камеры, и оппозицію, при отсутствіи которой не мыслимъ конституціонализмъ. При гнетѣ, испытаннымъ Россіею, въ царствованіе Николая; при воспрещеніи ввоза въ наши предѣлы почти всякихъ серіозныхъ иностранныхъ книгъ; при ограниченіи у насъ свободы печати и слова до крайнихъ предѣловъ; и при ничѣмъ необузданномъ своеволіи

высшихъ, среднихъ и низшихъ сановниковъ и чиновниковъ; русскій умъ, русское чувство и бытъ русскаго человѣка вообще, вынуждены были обратиться сами въ себя, сосредоточиться, многое перечувствовать и обо многомъ поразмыслить. Въ этомъ отношеніи, особенное значеніе имѣло усилившееся тогда такъ называемое славянофильское направленіе. Это данное ему названіе вовсе не выражало сущности тѣхъ убѣжденій и стремленій, которыми оно главнѣйше отличалось. Конечно такъ называемые славянофилы были благорасположены къ своимъ единоплеменникамъ, страдавшимъ подъ игомъ турецкимъ или австрійскимъ, и съ особеннымъ сочувствіемъ привѣтствовали ихъ попытки отъ него освободиться. Къ тому же они чуяли и сознавали, что западная Европа все менѣе и менѣе будетъ дружественна къ великой, все болѣе и болѣе усиливающейся русской имперіи. Но главное, коренное основаніе убѣжденій людей этого направленія заключалось въ томъ, что всякій народъ и въ особенности всякое племя многочисленное, Богомъ одаренное значительными умственными, нравственными и физическими способностями, и уже успѣвшее основать могущественную имперію, должно выработать свой особенный общественный и государственный бытъ, свои воззрѣнія и убѣжденія, и пользуясь тѣмъ, что уже узнано и сдѣлано народами, предшествовавшими ему на пути общаго человѣческаго развитія, вложить и свою лепту въ общую человѣческую сокровищницу. Въ этомъ

убѣжденіи, особенно утверждало такъ называемыхъ славянофиловъ то, что славянское племя и русскій народъ въ особенности сохранили въ себѣ, въ бо́льшей по возможности чистотѣ, ученіе Христово, превратившееся въ католичествѣ въ слѣпую, чуждую разума вѣру, а въ протестантствѣ — въ разсудочный безъ живительной вѣры, хотя и не бездѣйственный толкъ о Богѣ и объ отношеніяхъ къ нему людей. Послѣдніе годы царствованія Николая I. ознаменовались страшнымъ упадкомъ Россіи во всѣхъ проявленіяхъ ея дѣятельности: литература безмолвствовала; безпорядки во внутреннемъ управленіи доходили до безобразія; дѣйствія нашей дипломаціи были не только безуспѣшны, но встрѣчали по большей части отпоръ оскорбительный. Естественно, что во всѣхъ краяхъ Россіи, недовольство росло и усиливалось съ каждымъ днемъ. Война сперва съ Турціею, а затѣмъ и съ европейскою коалиціею, даже не возбуждала народнаго сочувствія, и Русскіе почти радовались неудачамъ правительства и его полководцевъ. Севастопольскій погромъ и вслѣдствіе того вынужденно заключенный Парижскій трактатъ вполнѣ обнаружили всю несостоятельность системы администраціи, которой слѣдовало правительство, и доказали несомнѣнно, что этимъ путемъ долѣе идти невозможно. Вошедшій на престолъ Александръ II. премудро и вполнѣ благовременно созналъ необходимость разныхъ существенныхъ преобразованій и нововведеній въ государственномъ управленіи. Этому мы обязаны

упраздненіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ и дворовыхъ людей отъ ихъ помѣщиковъ, установленіемъ гласнаго и устнаго судопроизводства, введеніемъ земскихъ учрежденій, допущеніемъ нѣкоторой свободы печати и разными другими благими реформами. Къ прискорбію, приведеніе въ дѣйствіе этихъ преобразованій поручено было людямъ, въ душѣ имъ не сочувствовавшимъ; а потому они все дѣлали, если и не къ отмѣнѣ изданныхъ Уставовъ и Положеній, то конечно къ ограниченію и уничтоженію ихъ благихъ дѣйствій. Этими непосредственными исполнителями Высочайшей воли поощрялись не тѣ средніе и низшіе чиновники, которые дѣйствовали въ духѣ изданныхъ законоположеній, а тѣ, которые искусно ихъ обходили и на дѣлѣ отмѣняли. Цензура преслѣдовала не противниковъ предпринятыхъ реформъ, а ревностныхъ ихъ защитниковъ и сторонниковъ; ибо она, по указаніямъ начальства, благопріятствовала болѣе первымъ чѣмъ послѣднимъ. Съ 1866 года произошелъ уже крутой поворотъ въ системѣ правительственной дѣятельности: Высочайшій рескриптъ 13 Мая, на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. Гагарина, исполнилъ радости враговъ предпринятыхъ реформъ и глубокой грусти тѣхъ, которые были душевно имъ преданы и которые видѣли въ нихъ не только залоги будущаго устройства, но и вѣрнѣйшія основы спокойствія и могущества Россіи.

Нельзя было прямо востановить крѣпостное

право на людей; но возможно было, разными разъясненіями, циркулярами и распоряженіями, ограничить крестьянское самоуправленіе, и сколь возможно болѣе его подчинить мѣстной администраціи. Въ видахъ этого, стали, вопреки закону, безъ согласія волостей, ихъ соединять, и тѣмъ создавать новыя совершенно искуственныя единицы, съ уничтоженіемъ тѣхъ связей, которыя соединяли людей одного прихода. Мировые посредники послѣдняго времени были поставлены въ полную зависимость отъ губернаторовъ; почему они и превратились въ чистыхъ чиновниковъ: для нихъ крестьянское дѣло стало на заднемъ планѣ — главное для нихъ было дѣлать угодное начальству. — Волостные суды, и въ началѣ не въ русскомъ духѣ устроенные, сдѣлались, по милости посредниковъ, слѣпыми исполнителями не только ихъ рѣшеній, но и воли волостныхъ писарей, которыхъ назначеніе, вопреки закону, они себѣ присвоили. Жалобы на волостные суды стали такъ всеобщи, что наконецъ рѣшились въ Петербургѣ отправить коммиссію, подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, для изслѣдованія этихъ жалобъ и для составленія проэкта о переустройствѣ этихъ судовъ. Коммиссія объѣхала почти всѣ мѣстности Россіи, гдѣ существовали волостные суды, очень усердно собирала всякія по сему предмету свѣденія; затѣмъ она напечатала нѣсколько томовъ матеріаловъ, и составила, какъ говорятъ, обстоятельный проэктъ; но онъ, къ счастію или несчастью, остался мертворожденнымъ

дѣтищемъ. — Въ довершеніе грустнаго положенія крестьянскаго самоуправленія, издано было новое узаконеніе объ уѣздныхъ и губернскихъ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Эти присутствія странны по своему составу, ибо въ него входитъ большинство лицъ, уже обремененныхъ дѣлами своихъ должностей: подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, засѣдаютъ тамъ исправникъ и предсѣдатель уѣздной управы; свободными для занятія по этимъ присутствіямъ суть только непремѣнный членъ и почетный мировой судья; отъ этого часто засѣданія этихъ учрежденій не могутъ состояться и дѣла долго не получаютъ никакого. рѣшенія. Но еще страннѣе то, что на административныя мѣста возложены разсмотрѣніе и рѣшеніе, въ кассаціонномъ порядкѣ, всѣхъ жалобъ на приговоры волостныхъ судовъ*). Эта обязанность для административныхъ учрежденій весьма неудобна и обременительна. Но хуже всего то, что этимъ новымъ законоположеніемъ предоставлено исправни-

*) Эти жалобы весьма многочисленны; по большой части, онѣ пишутся такъ, что, и по неоднократномъ ихъ прочтеніи, остаются непонятными; а потому, присутствія, не имѣя права вызывать сторонъ и свидѣтелей, часто вынуждены рѣшать дѣла вполнѣ произвольно. Къ тому же, смыслъ кассаціи, то есть: отмѣны а не перевершенія приговоровъ, есть понятіе очень отвлеченное, и крестьяне никакъ его себѣ не усвоиваютъ. Почти всѣ просьбы, поступающія въ присутствія, имѣютъ характеръ аппеляціонный а не кассаціонный; а потому этимъ учрежденіямъ предстоитъ или оставлять эти жалобы почти огульно безъ уваженія, или, когда рѣшенія явно несправедливы, самимъ отъискивать въ приговорахъ поводы къ кассаціи.

камъ право распоряжаться старостами и старшинами, и штрафовать ихъ, по своему усмотрѣнію, и деньгами и арестомъ. Чрезъ это, сельскія должностныя лица превратились въ разсыльныхъ или исправничьихъ слугъ; и ни одинъ порядочный крестьянинъ теперь не идетъ ни въ старосты, ни въ старшины. Какъ крестьяне не имѣютъ права отказываться отъ исправленія должностей, въ которыя они въ первый разъ выбраны, то не рѣдко они предпочитаютъ быть нѣсколько разъ оштрафованными за неисполненіе своихъ обязанностей и затѣмъ уволенными, чѣмъ оставаться при своихъ должностяхъ. — А потому крестьянское самоуправленіе еще никогда не было въ худшемъ положеніи чѣмъ теперь; и это тѣмъ грустнѣе, что исправить искаженное учрежденіе много труднѣе, чѣмъ новое пустить въ надлежащій ходъ.

Наши всѣсословныя земскія учрежденія превратились чуть чуть не въ сословныя а именно въ чисто-дворянскія. Въ губернскихъ собраніяхъ уже невидно крестьянъ и мало бываетъ тамъ людей изъ купечества. Первые устранены тѣмъ, что не дозволяется уѣзднымъ земствамъ выдавать даже ничтожныя суточныя деньги тѣмъ гласнымъ, которые заявятъ о невозможности для нихъ, на свой счетъ, ѣхать въ губернскій городъ и тамъ жить во время губернскихъ собраній. Многія земства ходатайствовали о разрѣшеніи имъ оказывать такимъ гласнымъ пособія, ограничивая суточныя

деньги цифрою не свыше полутора рубля въ день; но петербургскіе администраторы и законодатели, знающіе болѣе европейскіе вопросы чѣмъ русскія дѣла, и опасающіеся пуще всего „демократическихъ тенденцій“, постоянно и упорно оставляли эти ходатайства безъ уваженія. — Что касается до купечества, то оно утратило интересъ въ земскихъ дѣлахъ главнѣйше вслѣдствіе узаконенія, воспрещающаго земству облагать купеческія и прочія свидѣтельства свыше 25% ихъ казенной цифры. Этотъ процентъ весьма не высокъ; ниже обложить невозможно, а выше — закономъ запрещено; а потому денежный интересъ, по земскому обложенію, для купечества не существуетъ. Къ тому же, и дѣла обсуждаемыя въ земскихъ собраніяхъ становятся все менѣе и менѣе интересными, не потому что они сами по себѣ утрачиваютъ значеніе, а потому что общія дѣла усложняются, ухудшаются и поглощаютъ вниманіе всѣхъ и каждаго. Какъ заботиться о мостахъ и дорогахъ, о больницахъ и лекаряхъ, когда и безъ того постоянно утяжеляющіеся государственные налоги и сборы отнимаютъ у крестьянъ послѣднюю трудовую копѣйку, и становятъ землевладѣльцевъ, у которыхъ почти всѣ имѣнія заложены въ разныхъ кредитныхъ установленіяхъ, въ положеніе все болѣе и болѣе тяжкое, почти безвыходное! Сколько землевладѣльцевъ разорено вслѣдствіе того, что общество взаимнаго поземельнаго кредита, вынуждено, упадкомъ курса, требовать съ своихъ должниковъ усиленные взносы, которые могутъ еще

увеличиться и окончательно погубить заемщиковъ! Не до земскихъ дѣлъ человѣку, когда собственный его домъ горитъ или когда самъ онъ тонетъ. — Къ тому же отрадно ли, возможно ли усердно заниматься земскими дѣлами, когда всѣ знаютъ что администрація не только смотритъ на нихъ враждебно, но и всячески имъ противудѣйствуетъ и что земскія ходатайства оставляются безъ всякаго уваженія. — Что касается до первоначальныхъ школъ — предмета особенно важнаго въ земскомъ отношеніи и было обратившаго на себя вниманіе большинства земствъ, то теперь, по милости министерства народнаго просвѣщенія, почти нѣтъ возможности заниматься этимъ дѣломъ: вопреки закону, министерство присвоиваетъ себѣ, въ лицѣ своихъ директоровъ и инспекторовъ, полное веденіе этихъ школъ, а не одинъ за ними надзоръ, предоставляя земству только хозяйственную ихъ часть, т. е. пріятную обязанность выкарманивать деньги, безъ увѣренности въ пользѣ ихъ расходованія. Министерство думаетъ, что оно, изъ-за тысячи и болѣе верстъ, на всемъ пространствѣ обширной нашей имперіи, можетъ лучше вести дѣло первоначальнаго образованія, чѣмъ мѣстное земство, которое быть можетъ и не имѣетъ его педагогическихъ свѣденій, но за то находится на мѣстѣ и особенно заинтересовано первоначельнымъ обученіемъ окружающей его молодежи. И что за директоры и инспекторы къ намъ насылаются! Вѣроятно они исправно очищаютъ канцелярскіе номера и искусно сочиняютъ всѣ требуемыя вѣдо-

мости, но за то, въ школы они почти и не заглядываютъ, а если ихъ и посѣщаютъ, то своимъ чиновничествомъ, своими формальностями и придирками, дѣлаютъ имъ болѣе вреда чѣмъ пользы. — Какъ бы земецъ ни былъ привязанъ къ своимъ земскимъ дѣламъ; какъ бы ими онъ ни дорожилъ; но общее положеніе дѣлъ таково, что забываешь не только земскія, но и свои собственныя дѣла, и погружаешься если не въ полное отчаяніе, то, во всякомъ случаѣ, въ уныніе и бездѣйствіе.

А судебная реформа, обѣщавшая намъ такъ много и между прочимъ то, что никто безъ суда не подвергнется никакому наказанію, и долженствовавшая развить и укрѣпить въ насъ чувство законности, въ чемъ мы имѣемъ сильный недостатокъ — эта судебная реформа далеко не доставила намъ того, чего мы были вправѣ отъ нея ожидать. Едва ли, въ прежнія дореформенныя времена, было когда либо столько домовыхъ обысковъ, арестовъ и высылокъ административнымъ порядкомъ, сколько ихъ произведено въ послѣдніе годы. Не могутъ служить оправданіемъ или извиненіемъ даже тѣ чрезвычайныя обстоятельства, по среди которыхъ мы теперь находимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, перехватали до восьми тысячъ человѣкъ; около двухъ тысячъ лицъ было засажено въ разныя тюрьмы; болѣе тысячи задержанныхъ подвергнуто было формальному слѣдствію; наконецъ 193 человѣка явились на скамьяхъ подсудимыхъ; большая половина изъ

нихъ были совсѣмъ оправданы; а изъ остальныхъ большей половинѣ зачтено въ наказаніе перенесенное ими задержаніе въ тюрьмѣ; только двое или трое подверглись тяжкимъ наказаніямъ. И все это возникло по доносу одного честолюбца и длилось болѣе двухъ лѣтъ! Виновникъ этого безобразнаго дѣла удостоился, во время его производства, нѣсколькихъ наградъ, и въ заключеніе, т. е. послѣ окончанія самаго суда, онъ какъ говорятъ, только получилъ приглашеніе отправиться къ себѣ въ тамбовскую деревню, съ сохраненіемъ званія сенатора и даже получаемаго имъ жалованія. А сколько было и послѣ того арестовъ и высылокъ административнымъ порядкомъ! Конечно грустны эти вторженія администраціи въ область суда; но еще много грустнѣе попытки главнаго блюстителя правосудія къ искаженію и обезображенію правильнаго его хода. Новый министръ юстиціи не хочетъ, кажется, подкапываться подъ устройство судовъ и слѣдственной части; по крайней мѣрѣ, новыхъ покушеній противъ нихъ онъ не предпринимаетъ: но его предшественникъ, въ этомъ отношеніи, уже такъ много совершилъ, что одного бездѣйствія власти, по этой части, слишкомъ мало. Необходимо положительно отмѣнить нѣкоторые циркуляры, особенно къ гг. прокурорамъ, которыхъ бывшій министръ старался превратить чуть чуть не въ чиновниковъ 3-го отдѣленія; необходимо изъ исправляющихъ должность судебнаго слѣдователя, утвердить въ ней всѣхъ тѣхъ, которые могутъ оставаться въ этомъ званіи,

а остальныхъ уволить, и покинуть противузаконный способъ ихъ назначенія на время въ видѣ испытанія, продолжающагося много лѣтъ и превращающаго этихъ чиновниковъ въ покорныхъ слугъ прокуроровъ, которые, и по закону, вполнѣ зависятъ отъ министерства юстиціи; необходимо, въ отношеніи къ несмѣняемымъ судьямъ, измѣнить систему дѣйствія и не развращать ихъ безпрестанными повышеніями и наградами. Вообще назначеніе какъ судей, такъ и лицъ прокурорскаго надзора и судебныхъ слѣдователей, при предмѣстникѣ нынѣшнаго министра юстиціи, были не только неудачны, но что еще много хуже — незаконны и вполнѣ тенденціозны: не строго требовались юридическія знанія, но необходимо было считаться „благонадежнымъ“, т. е. не имѣть своихъ убѣжденій и быть готовымъ исполнять всякія приказанія и требованія начальства. — Наши судебные уставы вообще такъ хороши, какъ рѣдко удается быть нашимъ законоположеніямъ; ихъ нужно не измѣнять, а лишь развивать и въ томъ именно духѣ, въ которомъ они составлены. Наши судебныя учрежденія, въ началѣ, т. е. въ первые годы своего существованія, было стали въ общественномъ мнѣніи такъ высоко, какъ можно было только желать, и какъ нельзя было ожидать. Теперь дѣло обстоитъ совершенно иначе: еще имѣются въ нашихъ судахъ люди достойные, но они составляютъ не большинство а весьма малое меньшинство. Конечно несмѣняемыхъ судей нельзя смѣнять; но какъ большинство изъ нихъ состоитъ

изъ людей „благонадежныхъ“, то убѣдившись что министерство юстиціи теперь иначе смотритъ на обязанности судей и иначе цѣнитъ людей, они конечно не затруднятся въ измѣненіи вида и сущности своей „благонадежности“. Весьма важное значеніе, въ этомъ отношеніи, должны имѣть новыя назначенія судей и прокуроровъ; они проявятъ тайну министерскихъ воззрѣній и стремленій. Постараемся надѣяться, а дѣйствительность крайне тяжка, и мало располагаетъ къ увлеченіямъ въ этомъ смыслѣ.

Учебная часть возбуждаетъ теперь у насъ всеобщее и глубокое недовольство; однѣ Московскія вѣдомости восторгаются успѣхами и дѣйствіями системы образованія, принятой и усердно проводимой министерствомъ народнаго просвѣщенія. Наши среднія учебныя заведенія не развиваютъ а притупляютъ юношество: чтобы въ этомъ удостовѣриться достаточно поговорить съ ихъ учениками, и вникнуть въ распредѣленіе часовъ занятій въ этихъ училищахъ и въ программы для нихъ утвержденныя. Дѣйствительно учатъ юношей весьма многому и очень настойчиво; но все ли равно необходимо, и не полезнѣе ли возбуждать въ нихъ собственную ихъ умственную дѣятельность, чѣмъ обременять ихъ память и соображеніе преимущественно греческими и латинскими склоненіями и спряженіями, синтаксическими упражненіями и утомительнымъ чтеніемъ и перечитываніемъ нѣсколькихъ

классиковъ? Мы вовсе не противъ классицизма вообще; высоко цѣнимъ его достоинства; сознаемъ пользу, которую онъ, въ извѣстныхъ размѣрахъ и отношеніяхъ, можетъ приносить учащимся юношамъ; но считать его безусловно необходимымъ для всякаго образованнаго Русскаго, видѣть въ классицизмѣ единственный или даже преимущественный путь къ умственному развитію, и считать эту систему вѣрнѣйшею охраною отъ все болѣе и болѣе распространяющихся у насъ нигилистическихъ ученій — съ этимъ мы никакъ согласиться не можемъ. Равнымъ образомъ, мы и не за противуположную систему, было у насъ утвердившуюся, т. е. за признаніе математики и естественныхъ наукъ главными человѣческими знаніями и основами всякаго человѣческаго вѣденія. Думаемъ, что обѣ эти системы, своею исключительностью, ошибочны; что первая болѣе притупляетъ молодежь и отталкиваетъ ее отъ ученія, а послѣдняя хотя занимательностью предметовъ изученія и привлекаетъ ее къ наукѣ, однако направляетъ юношей къ матеріализму; и что слѣдовательно и та и другая равно не желательны и вредны. Обѣ онѣ были у насъ въ дѣйствіи и трудно сказать, которая изъ нихъ имѣла худшія послѣдствія; думаемъ, что нынѣ господствующей принадлежитъ въ этомъ отношеніи первенство, ибо, по несчастію, она долѣе держится и приводится въ дѣйствіе съ большимъ упрямствомъ и меньшею совѣстливостью. Не мѣсто здѣсь болѣе объ этомъ распространяться, и указывать тотъ путь, который

означается и требуется духомъ нашего народа; это завлекло бы насъ слишкомъ далеко и необходимо вызвало бы разныя возраженія. Не въ этомъ заключается цѣль нынѣшняго нашего изложенія: здѣсь мы говоримъ о прошедшемъ и настоящемъ, опредѣляемъ дѣйствія нынѣ принятой системы и результаты ею даваемые; предоставляемъ другимъ, а быть можетъ и себѣ, въ иное время, высказать къ чему въ особенности должны стремиться наши учебныя заведенія и какимъ путемъ слѣдуетъ имъ къ тому идти. Теперь мы знаемъ, что число учениковъ, выходящихъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній съ удовлетворительными аттестатами — весьма мало; что число исключаемыхъ или по собственной воли, до окончанія курса, выходящихъ учениковъ — очень значительно; что даже лучшіе изъ нихъ, удостоенные самыхъ лестныхъ свидѣтельствъ, не отличаются развитіемъ собственныхъ способностей; и что въ знаніяхъ, пріобрѣтаемыхъ юношествомъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ очень мало жизненности и разумности. Школы не столько важны и плодотворны по свѣденіямъ, въ нихъ получаемымъ, сколько возбужденіемъ любознательности и умственной дѣятельности; а въ этомъ отношеніи наши учебныя заведенія вполнѣ несостоятельны: онѣ скорѣе убиваютъ чѣмъ оживляютъ любовь къ ученію. Что же касается до нравственнаго развитія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то оно еще мѣнѣе удовлетворительно: искренности, любьви къ правдѣ, отвращенія отъ лжи, горячности и стой-

ности въ убѣжденіяхъ — нѣтъ и слѣда въ тѣхъ ученикахъ, которые выставляются даже въ примѣръ другимъ; но за то въ нихъ преобладаютъ: угодливость, слѣпое послушаніе и готовность къ безотговорочному принятію всего внушаемаго или передаваемаго директорами, инспекторами и прочими власть предержащими. Очевидно, что наше учебное вѣдомство вовсе не хлопочетъ о воспитаніи людей, но все свое стараніе прилагаетъ къ образованію чиновниковъ, карiеристовъ, угодниковъ да прислужниковъ. Удивительно ли что лицемѣріе у насъ въ такомъ ходу и что молодое поколѣніе, въ этомъ отношеніи, далеко превзошло даже своихъ отцовъ, жившихъ при полной, ни чѣмъ ненарушавшейся крѣпостной зависимости!—Университеты наши также находятся въ самомъ грустномъ положеніи: составъ професоровъ далеко не блестящъ; вакантныхъ каѳедръ много, а тѣ, которыя и заняты, мало отъ того выигрываютъ; замѣчательныхъ людей между преподавателями очень мало, а замѣчательныхъ трудовъ, ими совершенныхъ на пользу науки, еще мѣнѣе; тутъ уже господствуетъ не классицизмъ, не реализмъ, а Богъ вѣсть что́. Министерство требуетъ чтобы все преподавалось въ смыслѣ, имъ признаваемымъ за „благонадежнѣйшій“; професоры, даже не отличающіеся независимостью и стойкостью въ своихъ мнѣніяхъ, не въ состояніи по большей части этого исполнить; отъ этого происходитъ то, что они постоянно не договариваютъ, излагаютъ свой предметъ не полно и не ясно, въ родѣ того,

какъ теперь, по милости существующей цензуры, пріучились у насъ писать, т. е. двусмысленно. Понятно, какъ такой способъ преподаванія плодотворенъ и какъ онъ сближаетъ учащихъ и учащихся; а потому и не удивительно, что между ними нѣтъ никакой связи, никакой искренности и никакого другъ къ другу довѣрія. Професоры походятъ болѣе на чиновниковъ, исполняющихъ свои офиціальныя обязанности, чѣмъ на преподователей, дорожащихъ передачею своимъ слушателямъ тѣхъ свѣденій и убѣжденій, которыхъ они преисполнены; а студенты преимущественно заняты тѣмъ, какъ-бы отбыть положенные годы объученія и получить ученую степень, дающую права по службѣ. Тутъ наука не причемъ; общенія между учащими и учащимися также нѣтъ почти никакого; формальное исполненіе своихъ обязанностей есть главная забота и тѣхъ и другихъ. — Конечно это правило не безъ исключеній, но они весьма рѣдки: имѣются професоры, отъ души преданные наукѣ и прилагающіе всевозможное стараніе къ возбужденію любознательности въ молодежи; имѣются и молодые люди, искренно желающіе учиться и развивать свои способности; но и тѣ и другіе суть не произведенія принятой министерствомъ народнаго просвѣщенія системы образованія, а дѣтищи, вопреки ей нарождающіяся. — Странно, это министерство смотритъ какъ будто враждебно на самый предметъ, для котораго оно существуетъ, т. е. на просвѣщеніе, старается какъ можно болѣе ограничивать и оформливать —

опошливать его дѣятельность, съуживать область его распространенія и сокращать его вредныя дѣйствія. Просвѣщеніе является этому министерству въ видѣ какъ бы чумы, отъ которой нужно охранять народъ карантинами и другими запретами. Оно считаетъ людей достаточныхъ еще способными справиться съ этимъ зломъ; но пуще всего хлопочетъ о предохраненіи отъ вреднаго его дѣйствія людей малоимущихъ. Оно затрудняетъ имъ доступъ въ университеты, и, еще въ нынѣшнемъ году, оно воспретило семинаристамъ свободное поступленіе въ эти высшія учебныя заведенія и установило для нихъ вступительные экзамены. Такое воззрѣніе на просвѣщеніе ясно и положительно обнаруживается дѣятельностью этого министерства; жаль что оно недодумалось до слѣдующихъ простыхъ истинъ: что карантины вещественные и даже легальные безсильны противъ просвѣщенія; что оно дѣйствуетъ тѣмъ неправильнѣе и даже насильственнѣе, чѣмъ болѣе встрѣчаетъ противупоставляемыхъ ему препятствій; что съ недоучками гораздо труднѣе справляться чѣмъ съ людьми надлежащимъ образомъ развитыми, и что умноженіе недовольныхъ есть оказаніе прямаго содѣйствія распространенію вредныхъ тайныхъ ученій. Да! Наше министерство народнаго просвѣщенія гораздо справедливѣе и вѣрнѣе слѣдовало бы назвать министерствомъ народнаго затемненія и притупленія.

Но развѣ огромный приливъ желающихъ учиться

и въ прогимназіяхъ и въ гимназіяхъ и въ университетахъ и въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ не доказываетъ удовлетворительнаго, даже блестящаго ихъ положенія? Конечно нѣтъ. При голодѣ, ѣдятъ и конину и съ жадностью хватаются и за хлѣбъ съ мякиною. Потребность въ обученіи у насъ такъ сильна; средства къ домашнему воспитанію такъ недостаточны и дороги, что приливъ желающихъ поступать въ казенныя учебныя заведенія свидѣтельствуетъ только о существованіи у насъ этой сильной потребности и вовсе не о надлежащемъ ея удовлетвореніи. Спросите не однихъ учащихся, но и ихъ родителей; спросите уѣздныя и губернскія земскія и городскія представительныя учрежденія; спросите, черезъ печать, общественное мнѣніе; и всѣ конечно отвѣтятъ не въ пользу системы нынѣ приводимой въ дѣйствіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Неужель нѣсколько петербургскихъ бюрократовъ и одинъ изъ всѣхъ русскихъ публицистовъ умнѣе общественнаго мнѣнія и болѣе насъ любятъ чѣмъ мы сами себя любимъ? Такое самомнѣніе и самообольщеніе становятся даже преступными.

А печать — органъ для выраженія человѣческихъ мыслей, чувствъ и желаній, для сообщенія ихъ своимъ ближнимъ и для единенія съ ними — органъ, сдѣлавшійся въ XIX вѣкѣ такою же необходимостью для образованнаго человѣка, какъ воздухъ для его дыханія и хлѣбъ для его пищи—

печать еще считается у насъ роскошью и притомъ болѣе вредною чѣмъ полезною. Въ 1865 году издано было, для столицъ и весьма немногихъ привилегированныхъ городовъ, временное Положеніе, допускавшее нѣкоторое освобожденіе отъ цензуры и разрѣшавшее обсужденіе разныхъ, даже политическихъ вопросовъ, и обѣщано было распространеніе этой льготы и на другія мѣстности. Послѣ гнета сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, мы обрадовались этому дарованному праву; и надо отдать справедливость нашей журналистикѣ и печати вообще, что онѣ воспользовались очень скромно и разумно этимъ льготнымъ положеніемъ. Но администрація не замедлила увидѣть, что ея бюрократическій, враждебный странѣ способъ дѣйствія не можетъ удержаться даже съ этою крайне умѣренною свободою печати: пошли разъясненія статей Положенія, циркуляры и даже конфиденціальныя словесныя внушенія—все это въ видахъ стѣсненія того малаго простора, который былъ данъ мысли и слову въ области печати; и изъ обнародованнаго закона почти ничего не осталось. Но и этого администраціи показалось мало: она выхлопотала себѣ право, безъ суда, черезъ комитетъ министровъ, запрещать повременныя изданія и жечь вышедшіе ихъ номера и напечатанныя книги. Главное управленіе цензуры охотно пользовалось правомъ дѣлать издателямъ газетъ и журналовъ предостереженія; но особенно оно полюбило воспрещенія розничной продажи, черезъ что́, какъ бы незамѣтно, налогало

тяжкіе штрафы на редакторовъ повременныхъ изданій и тѣмъ держало ихъ въ полной крѣпостной отъ себя зависимости. Разъясненія статей Положенія такъ многочисленны и даже противурѣчивы; масса циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати до того огромна; а конфиденціальныя внушенія такъ разнообразны, измѣнчивы, а часто и такъ загадочны, что не только писатели и издатели газетъ и журналовъ не знаютъ что́ можно и чего нельзя печатать; но и сами цензоры утратили, въ этомъ отношеніи, всякій смыслъ; а потому, въ видахъ сохраненія своихъ мѣстъ и полученія наградъ, они вполнѣ разумно предпочитаютъ лучше грѣшить излишнею строгостью, чѣмъ противуположнымъ свойствомъ. Печать теперь находится въ такомъ положеніи, что рѣшительно, неизвѣстно что́ можно и чего нельзя печатать. Къ еще большему перепутанію всякихъ понятій, служитъ то, что преслѣдуются, запрещаются статьи и изданія, въ которыхъ пишется и печатается въ смыслѣ предпринятыхъ реформъ, въ духѣ истинно-русскомъ и согласномъ съ ученіемъ нашей православной церкви; и пропускаются, какъ бы безъ вниманія, выходки противъ вводимыхъ самимъ правительствомъ преобразованій, и всякія разсужденія, изложенія и повѣсти въ матеріалистическомъ направленіи. Сверхъ того, есть городъ, гдѣ еще можно кой-что говорить печатно, и есть другой, гдѣ самыя невинныя, самыя благонамѣренныя мнѣнія и слова считаются злостными и чуть чуть не преступными. Такъ въ

Петербургѣ еще могутъ издаваться книги, журналы и газеты: тамъ еще есть возможность, посредствомъ нѣкоторыхъ ловкихъ и своевременныхъ хитростей, снискивать благорасположеніе или по крайней мѣрѣ терпимость со стороны высшей и низшей цензуры; но Москва, въ этомъ отношеніи, находится въ самомъ грустномъ и тяжкомъ положеніи: ея слова имѣютъ какой-то странный отзвукъ — сказанное тутъ, въ выраженіяхъ мѣнѣе рѣзкихъ чѣмъ на берегахъ Невы, возбуждаетъ страхъ въ московскихъ цензорахъ, и подозрѣнія и опасенія въ высшемъ цензурномъ управленіи. Хотя это и лестно, но очень не выгодно для Москвы. Только одинъ человѣкъ или вѣрнѣе сказать только одно изданіе съумѣло поставить себя, даже въ Москвѣ, въ какое-то независимое, привилегированное положеніе — Московскія вѣдомости. Въ нихъ бывали статьи и очень смѣлыя, особенно во время берлинскаго конгресса, и цензурные громы до нихъ не касались. Чѣмъ онѣ заслужили такую изключительность—мы не знаемъ; но радуемся что хотя одно изданіе не дрожитъ, выпуская свои номера. — Что же касается до провинцій, т. е. до всей внутренности имперіи, то тамъ печатать можно только бланки для счетовъ и отношеній, и губернскія вѣдомости; мысль же считается тамъ совершенно неумѣстнымъ и излишнимъ даромъ для человѣка. Пытались было тамъ издавать газеты и помимо губернскихъ вѣдомостей; но мудрымъ распоряженіемъ высшаго цензурнаго управленія положенъ конецъ

такимъ неумѣстнымъ затѣямъ: оно просто на просто приказало номера газетъ отсылать на просмотръ въ цензурные комитеты, т. е. за полутысячи и тысячи верстъ. Такъ на дняхъ окончила свое существованіе долго барахтовшаяся съ цензурнымъ вѣдомствомъ Донская газета, которая должна была препровождать свои номера на просмотръ не ближе Москвы. — Вообще по части свободы слова и печати, мы отстали отъ Европы болѣе чѣмъ даже въ другихъ отношеніяхъ: наша администрація едва допускаетъ въ насъ потребность въ сообщеніи другимъ нашихъ мыслей и чувствованій, и считаетъ своимъ долгомъ строго наблюдать чтобы дѣти не расшаливались и тѣмъ не нарушали спокойствіе ихъ няньки и попечительницы. А какъ потребность эта имѣется и даже ежедневно усиливается и распространяется, и тѣмъ болѣе чѣмъ мѣнѣе она удовлетворяется; и какъ дѣтьми мы вѣкъ быть и себя считать не можемъ, а особенно послѣ разныхъ преобразованій, правительствомъ предпринятыхъ и при нашемъ участіи совершенныхъ, то общее недовольство людей образованныхъ, т. е. самой развитой части народа, съ каждымъ днемъ ростетъ, крѣпнетъ и углубляется.

Финансовое наше положеніе, въ государственномъ, общественномъ и частномъ отношеніи, таково, что хотя мы достаточно бѣдствуемъ и по другимъ частямъ, но тутъ мы дошли чуть чуть не до границъ возможнаго. Наши подати и сборы, пожалуй, цифрою

и не очень значительны; но своею несообразностью, неравномѣрностью ихъ распредѣленія и способами ихъ взысканія, едва ли они мыслимы въ нѣсколько благоустроенномъ государствѣ. Они ложатся на людей тѣмъ тяжче, чѣмъ послѣдніе мѣнѣе достаточны и мѣнѣе пользуются выгодами государственнаго устройства. Давно толкуютъ о необходимости преобразованія существующихъ налоговъ и въ особенности подушной подати, лежащей на тѣхъ, которые всего мѣнѣе должны бы платить за право существованія. Эта подать, кромѣ присущей ей нелѣпости и несправедливости, имѣетъ у насъ то вредное дѣйствіе, что дѣлитъ русскій народъ на двѣ части — на податныя и неподатныя сословія, что́ совершенно противно духу предпринятыхъ реформъ и образованныхъ вслѣдствіе того судебныхъ и земскихъ учрежденій. Болѣе, кажется, восемьнадцати лѣтъ существуетъ коммиссія „Податная“; много ею исписано бумаги; много она напечатала очень хорошихъ матеріаловъ; но проекты ея были по большей части дѣтьми мертворожденными. Этимъ свойствомъ особенно отличались ея предположенія по преобразованію подушной подати: прежній проектъ о замѣнѣ ея подворнымъ налогомъ разобранъ и безповоротно осужденъ былъ земскими собраніями, и сама администрація не могла не признать дѣльности представленныхъ на него замѣчаній и необходимости преданія его забвенію. Но странно то, что Правительство не воспользовалось земскими указаніями, вполнѣ благопріятными отмѣнѣ

подушной подати и только расходившимися между собою на счетъ того, какимъ налогомъ слѣдуетъ ее замѣнить. Опять начались печатанія трудовъ Податной Коммиссіи, земскихъ отзывовъ и разныхъ матеріаловъ; такъ прошли годы и притомъ многіе годы, и наконецъ въ 1878 году, появился на свѣтъ Божій этой же коммиссіи проектъ поразряднаго налога. Но этотъ проектъ даже не подвергся критикѣ земскихъ собраній: его оцѣнили по справедливости нѣкоторыя повременныя изданія, и правительство сочло нужнымъ предать его, если и не вѣчному, то по крайней мѣрѣ временному покою. Въ началѣ нынѣшняго года объявлена была Высочайшая воля на счетъ отмѣны подушной подати и замѣны ея инымъ налогомъ. Это обрадовало многихъ и возникла надежда, что по крайней мѣрѣ на сей разъ эта подать подвергнется окончательной отмѣнѣ. Дѣло это поручено не прежней коммиссіи, уже доказавшей многими опытами свою безплодность, но новой, имѣющей состоять изъ высшихъ чиновъ разныхъ министровъ и изъ другихъ сановниковъ. Признаться, такой возвѣщенный составъ новой коммиссіи значительно уменьшилъ надежды на успѣхъ самаго дѣла, а обнародованіе именъ этихъ назначенныхъ членовъ окончательно подорвалъ всѣ виды и расчеты на благопріятные результаты трудовъ этого новаго сонма бюрократовъ. Отъ чего прежняя старая податная коммиссія была такъ малопроизводительна? Засѣдали въ ней люди умные, образованные, даже довольно свѣдующіе въ финансовомъ

дѣлѣ вообще; въ цифровыхъ матеріалахъ недостатка у ней не было; и окончаніемъ работъ, кажется, коммиссію не торопили. Главною причиною безуспѣшности всѣхъ ея трудовъ было то, что какъ всѣ члены коммиссіи были сановники или чиновники, т. е. бюрократы, то въ нихъ оказывался полный недостатокъ въ настоящихъ бытовыхъ и мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, которыхъ никакимъ кабинетнымъ трудомъ или собственною прозорливостью замѣнить нельзя. Новая коммиссія, будучи составлена изъ людей высшаго ранга, но еще меньшаго практическаго знанія вообще и по финансовой части въ особенности, ибо ею они по большей части вовсе не занимались, уже лишена всякой возможности исполнить возложенное на нее порученіе. Спрашивается: высшіе чины министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, контроля и 2-го отдѣленія собственной канцеляріи, никогда не занимавшіеся финансовыми вопросами, что́ могутъ сказать или придумать по весьма трудному и сложному вопросу о замѣнѣ подушной подати инымъ налогомъ? Вѣдь этотъ вопросъ вовсе не такой, который можно разрѣшить прочитавши или прослушавши какой нибудь докладъ по этому предмету и обсудивши его въ нѣсколькихъ вечернихъ засѣданіяхъ. Нѣтъ! Этотъ вопросъ требуетъ изученія его въ теоретическомъ и особенно въ практическомъ отношеніи. Надо быть знакомымъ и съ финансовою наукою вообще и съ мѣстными, временными и пуще всего житейскими обстоятельствами страны, для которой предполагается налогъ.

Могутъ члены новой коммиссіи быть и очень умными и отмѣнно благонамѣренными людьми; но того знанія, котораго не имѣла прежняя коммиссія, еще мѣнѣе будетъ въ новой, и по причинѣ очень простой — какъ ея члены суть высшіе чины, то они еще болѣе искажены бюрократическимъ духомъ и еще болѣе чужды народной жизни. Знаете ли какого результата надо желать отъ трудовъ этой коммиссіи? Тогоже какъ и отъ первой, т. е. чтобы дѣтище ея оказалось мертворожденнымъ. Подушная подать какъ ни нелѣпа и ни несправедлива сама по себѣ, теперь на дѣлѣ она много утратила своихъ дурныхъ свойствъ: крестьяне переложили ее, въ хлѣбородныхъ губерніяхъ — на землю, а въ промышленныхъ — на промыслы; и тѣмъ они смягчили непосредственное вредное дѣйствіе этой подати на народонаселеніе. Конечно весьма желательно ея упраздненіе, какъ для прекращенія дѣленія русскаго народа на податныя и неподатныя состоянія, такъ въ особенности для полученія возможности коренныхъ измѣненій въ пачпортной системѣ; но какъ бы не пересадили изъ Германіи или другой чуждой намъ страны, такую подать, которая окажется вполнѣ для насъ непригодною и для водворенія которой придется еще ломать нашъ бытъ, уже кажется достаточно искалѣченный. Могла бы эта новая коммиссія придти къ великолѣпному результату — къ сознанію своей несостоятельности для разрѣшенія податнаго вопроса и къ указанію настоящаго пути для его разработки; но бюрократическая самоувѣренность и бюрократи-

ческіе обычаи едва ли допустятъ ее до такого мудраго и благаго заключенія.

Хотя упадокъ цѣнности нашего рубля непосредственно тревожитъ и огорчаетъ немногихъ; однако всѣ болѣе или мѣнѣе терпятъ отъ послѣдствій этого грустнаго положенія нашего курса. Правда, нашлись люди и даже, къ сожалѣнію, одна московская газета, которые превозносятъ благодѣтельныя дѣйствія огромнаго выпуска бумажныхъ денегъ, произведеннаго по необходимости во время послѣдней войны; но, къ прискорбію, эти благодѣянія чувствуются весьма немногими и факты слишкомъ ясно и осязательно опровергаютъ эти провозглашенные парадоксы. Цѣны на все — не на одни товары, привозимые изъ заграницы, но и на туземныя произведенія страшно поднялись и все идутъ вверхъ; эти колебанія въ цѣнахъ задерживаютъ и подавляютъ развитіе промышленности и торговли вообще; люди живущіе доходами отъ капиталовъ и получаемымъ ими опредѣленнымъ жалованіемъ, терпятъ большіе убытки и недостатки; проценты платимые казною по заграничнымъ займамъ возвысились въ полтора раза, и расходы по внутреннимъ заподрядамъ значительно возрасли, а потому она должна усиливать сбираемые ею налоги и сборы, и за всѣмъ тѣмъ не можетъ не быть дефицитовъ въ государственномъ бюджетѣ; однимъ словомъ, во всѣхъ денежныхъ сдѣлкахъ и оборотахъ, чувствуются такая неопредѣлительность и измѣнчивость, что никто не

рѣшается ни на какія предпріятія и ощущается всеобщій malaise. Правительство сознаетъ и не можетъ не сознать тяжести и бѣдственности этаго положенія: оно какъ будто извлекаетъ по немногу изъ обращенія излишне выпущенные кредитные билеты; но оно дѣйствуетъ, въ этомъ отношеніи, очень слабо и нерѣшительно, и потому эти его мѣры не имѣютъ почти никакого вліянія ни на возстановленіе цѣнности рубля, ни на удержаніе подъема цѣнъ на товары; а между тѣмъ займы заключаются, сумма платимыхъ процентовъ увеличивается и кредитъ казны потрясается*). На этотъ крайне важный и существенный предметъ — возстановленіе цѣнности рубля, финансовое управленіе не обращаетъ должнаго вниманія, считая это дѣло терпящимъ отлагательство, тогда какъ оно много настоятельнѣе чѣмъ даже уравновѣшеніе бюджета, которое не можетъ быть дѣйствительнымъ и вѣрнымъ пока колеблется цѣнность рубля.

Впрочемъ изъ сказанныхъ нами словъ да не заключитъ кто либо, что мы считаемъ не существеннымъ и подлежащимъ отстрочкѣ дѣло объ уравновѣшеніи нашего бюджета. Нѣтъ! оно и весьма

*) Правда, теперь курсъ нашъ нѣсколько поднялся, но въ этомъ наше министерство вовсе неповинно. Предвидится значительная покупка хлѣба Франціею и даже Германіею, и сверхъ того, по послѣднему государственному займу, на который за границею очень многіе и на большія суммы подписались, предстоятъ большіе взносы; а потому спекуляція желаетъ закупить значительное количество русскихъ бумажныхъ денегъ.

важно и вполнѣ неотложно; но мы желаемъ уравновѣшенія не кажущагося а дѣйствительнаго, которое возможно только при востановленіи цѣнности рубля. Легко на бумагѣ соразмѣрить расходы съ доходами; но когда нашъ курсъ прыгаетъ и такъ измѣнчивъ какъ теперь, и когда цѣны и на внутренныя произведенія весьма непостоянны, то нѣтъ возможности вѣрно учесть сколько денегъ нужно на уплату какъ процентовъ по заграничнымъ займамъ, такъ и за поставки въ казну сукна, холстины, муки, овса и пр. Достигнутое уравновѣшеніе на 1879 годъ произвело, въ финансовомъ мірѣ, дѣйствіе скорѣе невыгодное чѣмъ благопріятное — это доказано тѣмъ, что нашъ курсъ, по обнародованіи государственной смѣты приходамъ и расходамъ, нисколько не поднялся. Да и не могъ онъ подняться. Мы кое-какъ уравновѣсили нашъ бюджетъ установленіемъ такихъ налоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые скорѣе доказывали нашу несостоятельность и нашу немудрость чѣмъ противоположное*). Вѣдь финансовый міръ евро-

*) Платежи за переѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, при нашихъ огромныхъ растояніяхъ, вовсе не легки. Сборъ въ пользу казны 25% съ пассажирскихъ билетовъ 1 и 2 классовъ, и въ особенности по 15% съ билетовъ 3 клясса, еще увеличиваетъ эти расходы. Всѣ желѣзныя дороги, съ начала текущаго года, выручаютъ много мѣнѣе съ пассажирскихъ билетовъ вообще и особенно съ билетовъ первыхъ двухъ классовъ; а какъ правительство платитъ субсидіи большинству дорогъ, то едва-ли сумма налога съ желѣзныхъ дорогъ покроетъ излишнюю приплату, которую Правительству придется имъ произвести.

У насъ вообще страхуютъ еще слишкомъ мало; слѣдовало

пейскій не глупъ и знаетъ наши денежныя дѣла очень хорошо: словами и цифрами его не обманешь. — Говорятъ, да и въ газетахъ европейскихъ было напечатано, что когда нашъ новый министръ финансовъ за чѣмъ-то поѣхалъ въ Парижъ и тамъ имѣлъ свиданіе съ банкирами, то одинъ изъ нихъ а быть можетъ и многіе сказали ему: „мы охотно и на хорошихъ условіяхъ отперли бы для Россіи наши сундуки, еслибы у васъ существовали государственныя представительныя учрежденія“. Это болѣе чѣмъ правдоподобно. Намъ не разъ и не отъ одного банкира случалось слышать подобныя рѣчи. — Любопытно было бы знать, переданы ли г. министромъ эти отзывы Тому, кому о томъ знать было бы всего нужнѣе и полезнѣе. — Учрежденіе коммиссіи въ видахъ сокращенія расходовъ было конечно мѣрою необходимою и обѣщавшею быть полезною; но опять образованіе ея изъ однихъ высшихъ чиновъ администраціи уничтожаетъ всѣ надежды на благопріятный результатъ ея трудовъ. Впередъ можно сказать, что сокращеній будетъ немного, и что они отнесутся не къ тѣмъ окладамъ, которые всего болѣе требуютъ сокращенія,

---

бы поощрять страхованіе; а установленіе налога на него произведетъ дѣйствіе совершенно противуположное.

Одинъ налогъ разумный и правильный—это налогъ на водки. Онъ дастъ конечно отъ 15 до 20 милліоновъ рублей, и что всего важнѣе — положитъ конецъ мошенничеству, слишкомъ долго существовавшему, по продажѣ слабаго вина подъ фальшивыми названіями разныхъ водокъ.

а напротивъ къ тѣмъ, которые скорѣе требуютъ прибавокъ чѣмъ убавокъ. Авось, по крайней мѣрѣ, сократится число чиновниковъ и административныхъ мѣстъ; и это было бы уже выигрышъ не малый*). Сократить расходы — необходимо, ибо они въ послѣдніе годы росли не по годамъ а по днямъ и часамъ, и особенно въ высшихъ сферахъ администраціи. Тутъ десятки и сотни тысячь расходовались легче, чѣмъ меньшія суммы на дѣйствительныя нужды государства. — Поживемъ — увидимъ, а пока тяжко смотрѣть на такіе порядки и отъ нихъ терпѣть.

Еще много, очень много слѣдовало бы сказать о положеніи дѣлъ въ нашей странѣ, о томъ какъ они производятся, и какъ мы отъ этого производства страдаемъ; но достаточно и того, что нами уже изложено. Наше теперешнее положеніе, по-

---

*) Не уродливо ли существованіе, въ каждомъ губернскомъ городѣ, почти столькихъ же административныхъ учрежденій, сколько имѣется министерствъ; а одно изъ нихъ не удовольствовалось даже этимъ и имѣетъ ихъ два: казенную палату и управленіе акцизными сборами. У насъ же, въ Сибири и въ Привисленскомъ краѣ, существуютъ губернскія правленія, въ которыхъ сосредоточены почти всѣ административныя дѣла губерніи. Министерства имѣютъ тамъ своихъ совѣтниковъ для завѣдыванія дѣлами по каждой части, и губернаторъ есть тамъ настоящій начальникъ губерніи; а дѣла идутъ право не хуже чѣмъ у насъ. А сколько сбережено было бы помѣщеній, дровъ, разсыльныхъ, и пуще всего на сколько могло бы быть сокращено число начальниковъ и чиновниковъ вообще. Да и дѣлопроизводство пошло бы успѣшнѣе, ибо совѣстно было бы въ одной и той же комнатѣ писать и отправлять другъ къ другу отношенія и выжидать отвѣтовъ.

жалуй, лучше чѣмъ, то, въ которомъ мы находились двадцать пять лѣтъ тому назадъ; но время шло впередъ, атмосфера и обстановка, въ которыхъ мы живемъ значительно измѣнились, и мы сами уже далеко не тѣ люди, какими мы прежде были. Подкупленные правомъ владѣнія другими людьми, мы считали себя какъ бы обязанными преклоняться передъ властями, которыя могли ограничивать это наше право; мы мало обращали вниманія на совершавшіяся около насъ неправды, ибо чувствовали что наши достатки, доходы и весь нашъ бытъ основаны были на самой вопіющей неправдѣ; и мы позволяли себѣ развѣ только мечтать объ иныхъ, лучшихъ порядкахъ. Люди, находившіеся въ крѣпостной зависимости, были обезпечены на счетъ пищи и крова, тянули, хотя и не безъ ропота, свою тяжкую лямку и только въ крайнихъ случаяхъ рѣшались прибѣгать къ убійству своего помѣщика или къ поджогу его строеній; а остальные русскіе, т. е. не душевладѣльцы и не подвластные имъ, утѣшались тѣмъ, что существовали сами по себѣ, старались, изъ своей физической независимости, извлекать что́ могли и не гнушались прибѣгать ко лжи, обманамъ и даже мошенничествамъ для облегченія или улучшенія своей участи. Крѣпостная зависимость, какъ тяжкій гнетъ, какъ обезнравствливающее начало, лежала на всѣхъ — на пользовавшихся ею, на страдавшихъ отъ нея и даже на тѣхъ, которые были только свидѣтелями ея дѣйствій. Съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости все болѣе или

мѣнѣе измѣнилось, и все какъ-то оживилось: не одни крестьяне и дворовые почувствовали себя людьми; тоже чувство подъема ощутили и прежніе душевладѣльцы. Безъ глубокой благодарности и особеннаго наслажденія, мы не можемъ вспоминать времена съ 1858 по 1866 годъ. Тутъ мы жили, развивались, дѣйствовали, надѣялись. Послѣ злосчастнаго 4-го Апрѣля послѣдняго года, тучи все гуще и гуще стали покрывать небо, и мы постепенно все болѣе и болѣе впадали въ бездѣйствіе и уныніе. Не легко было это положеніе, и не могло оно остаться безъ слѣдовъ. Нѣкоторыя силы направились —на земское дѣло, другія на судебную дѣятельность, третьи—на развитіе промышленности, на составленіе разныхъ торговыхъ и другихъ обществъ; но нашлись и такія силы, которыя, за невозможностью дѣйствовать явно и откровенно, посредствомъ печати и слова, въ области общихъ интересовъ, рѣшились тайно и подпольно распространять свои мнѣнія и предположенія. Нельзя конечно одобрять этотъ способъ дѣйствія; но нельзя его и вполнѣ осуждать: насилье сверху необходимо вызываетъ и противудѣйствіе снизу. Этому нигилизмъ преимущественно обязанъ своимъ возникновеніемъ и распространеніемъ въ Россіи. Объ этомъ обстоятельнѣе мы будемъ говорить послѣ; но здѣсь нельзя было не указать источника зла, которое теперь сильно озабочиваетъ Правительство и отъ котораго мы всѣ страдаемъ.

Но жизнь молодаго человѣка или молодаго на-

рода долго замирать не можетъ; не то такъ другое ее воскрешаетъ. Такое благодѣтельное дѣйствіе оказали сперва сочувствіе, возбужденное у насъ борьбою Славянъ, рѣшившихся освободиться отъ музульманскаго ига, а потомъ объявленная Россіею война противъ Турціи въ защиту нашихъ братьевъ по вѣрѣ и племени. Еще никогда въ Россіи не было такого общаго, сильнаго и глубокаго одушевленія, какое оказалось въ эти незабвенные годы. Даже 1812 г., когда мы защищали себя и свою страну отъ нападенія дерзкаго завоевателя, не представлялъ такого общаго оживленія и одушевленія: тогда дѣйствовали преимущественно дворянство и отчасти купечество; прочія же сословія только исполняли приказанія начальства. 1876—78 годы явили нѣчто небывалое: изъ глубины народа, вышли добровольцы, готовые съ самоотверженіемъ помогать отдаленнымъ единовѣрцамъ въ ихъ борьбѣ противъ ихъ угнѣтателей; копѣйками собраны были милiоны въ пользу бѣдствующихъ воюющихъ братьевъ; въ деревняхъ останавливали проѣзжающихъ для распроса о томъ, что дѣлается тамъ, гдѣ-то далеко, но гдѣ христіане борятся съ погаными. Кто пережилъ 1812—15, 1858—61 и 1876—78 годы, тотъ можетъ смѣло и положительно засвидѣтельствовать, что русская земля еще никогда не была такъ оживлена и единодушна какъ въ упомянутые послѣдніе годы. Слова, произнесенныя Императоромъ въ Кремлѣ и сказанныя въ прокламаціи при вступленіи въ Болгарію; побѣды, одержанныя нашими войсками; ге-

ройскіе подвиги, совершенные подъ Шибкою, подъ Плевною и при переходѣ черезъ Балканы, подходъ нашъ подъ Царьградъ—все это исполнило радости и восторга весь народъ русскій. Въ городахъ даже уѣздныхъ и въ деревняхъ, не по приказу начальства а по собственному почину, служились молебны и народъ отъ души ликовалъ. — Но начавшіеся дипломатическіе переговоры, названный прелиминарнымъ Санстефановскій трактатъ, конгрессъ въ Берлинѣ и въ завершеніе подписанный тамъ договоръ — поразили удивленіемъ всю Россію и исполнили ее глубокой грусти. Парижскій трактатъ 1856 года не производилъ на русскаго человѣка такого тяжкаго впечатлѣнія, какой произвелъ на него берлинскій мирный договоръ: тогда мы были побиты; тогда почти вся Европа вела противъ насъ войну и не даромъ достались ей наложенныя ею на насъ униженія. Теперь мы были побѣдителями; мы потратили много людей и денегъ, были у воротъ Царьграда и отъ насъ зависило нанести Турціи послѣдній ударъ; и что же? Въ Берлинѣ мы оказалися какими-то странными подсудимыми: Биконсфильдъ, Бисмаркъ и Андраши распоряжались нашими дѣлами, какъ будто мы уже перестали быть великою державою и должны, подобно Румуніи, Сербіи и Черногоріи, довольствоваться тѣмъ, что нашимъ повѣлителямъ угодно будетъ намъ предоставить. Долго въ Россіи, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мѣнѣе послѣдовательно читаютъ газеты, не хотѣли вѣрить, чтобы Правительство наше

рѣшилось заключить договоръ безъ освобожденія всей Болгаріи, съ предоставленіемъ Турціи права держать гарнизоны въ Балканахъ и съ передачею Босніи и Герцеговины во власть Австріи. Обнародованіе этого трактата произвело на Россію дѣйствіе самое тяжкое: хотя вообще желали мира и нуждались въ немъ, но состоявшемуся миру, никто не обрадовался; дипломатія и администрація вообще еще болѣе упали въ общемъ мнѣніи; и недовольство противъ Правительства еще усилилось и распространилось. Не винили Государя, ибо къ Нему, во всѣхъ слояхъ народа питаютъ любовь и преданность глубокую и нелицемѣрную; но сокрушались, что онъ такъ дурно окруженъ, и что его совѣтники и исполнители его воли лишены способностей, чужды русскаго духа и имѣютъ въ виду только сохраненіе своихъ мѣстъ и содержаній.

Думали, чаяли, что Правительство наконецъ само почувствуетъ и увидитъ несостоятельность своего бюрократическаго, отчужденнаго отъ народа и какою-то полутаинственностью покрытаго способа дѣйствія, и что оно рѣшится призвать на совѣтъ народныхъ представителей. Поводовъ къ такому рѣшенію было не мало: безпорядки во внутреннемъ управленіи множились и все глубже и глубже въ него проникали; послѣдняя война открыла неожиданныя страшныя упущенія и мошенничества по части хозяйственнаго устройства военнаго вѣдомства; число людей служащихъ и ищущихъ

службы, хотя было значительно и постоянно усиливалось, но способности и нравственность ихъ видимо слабѣли; нужда въ мѣстныхъ свѣденіяхъ и соображеніяхъ съ каждымъ днемъ становилась настоятельнѣе, ибо издаваемые законы и дѣлаемыя распоряженія, по своей неисполнимости, все мѣнѣе и мѣнѣе могли быть приводимы въ дѣйствіе; наконецъ Европа, гдѣ мы должны были дѣйствовать въ дипломатическомъ и финансовомъ отношеніи, смотрѣла на насъ свысока, почти съ презрѣніемъ, ибо знала что у насъ рѣшаетъ дѣла не общественное мнѣніе, признанное тамъ главною, первенствующею силою, а произволъ одного или нѣсколькихъ людей. Странно было и то, что мы содѣйствуемъ освобожденію другихъ народовъ и тамъ вводимъ представительныя учрежденія, а сами остаемся при прежнихъ, уже отжившихъ порядкахъ. Конечно въ Берлинѣ на конгрессѣ не были бы предъявлены къ намъ тѣ требованія, которыя Англія, Австрія и Германія рѣшились тамъ намъ предписать, если бы онѣ имѣли въ виду, что наше Правительсто отвѣтственно передъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи и вопреки ему ничего сдѣлать не можетъ.

Такъ думали, чаяли и даже разсчитывали; но неожиданныя чрезвычайно грустныя обстоятельства заставили и Правительство и общество и даже народъ обратить вниманіе на другія совершающіяся у насъ событія.

Убійства Мезенцева и кн. Крапоткина, покушенія на жизнь Трепова и Дрентельна, разныя другія преступныя попытки и наконецъ событіе 2 апрѣля сего года указали Правительству и общественному мнѣнію тотъ недугъ, который сперва почти незамѣтно вкрался въ тѣло Россіи, а потомъ все болѣе и болѣе заражалъ частный, общественный и государственный бытъ. Хотя этотъ недугъ и не нашелъ въ народномъ духѣ и народныхъ чувствахъ, благопріятной почвы для своего развитія, однако нельзя долѣе оставлять эту болѣзнь безъ врачеванія. Правительство приняло теперь мѣры строгія и сильныя противъ ея распространенія и къ ея обезсиленію; но онѣ, по своему характеру, могутъ быть только кратковременными. Необходимо коренное уничтоженіе этого недуга; а потому неизбѣжно обстоятельнѣе изслѣдовать его свойства и изыскать вѣрныя средства къ достиженію этой цѣли. Правительство сознаетъ и заявляетъ что оно одно не можетъ исполнить эту задачу, и потому приглашаетъ всѣхъ гражданъ оказать ему въ этомъ дѣлѣ необходимое содѣйствіе. Попытаемся и мы принести ему въ этомъ отношеніи, нашу посильную ленту.

II.

Сосредоточеніе громаднѣйшихъ денежныхъ капиталовъ и бо́льшей части недвижимой собственности въ рукахъ незначительнаго меньшинства, и бѣдность, необезпеченность существованія, даже крайняя нужда, отягчавшія участь огромнаго большинства людей, породили (и не могли не породить) въ западной Европѣ болѣзненный соціализмъ. Говоримъ „болѣзненный“, ибо сколько настоящій соціализмъ, т. е. потребность людей жить въ обществѣ, другъ другу помогать, другъ о другѣ заботиться, и общими силами стремиться къ исполненію человѣческаго назначенія, — оживляетъ, облагороживаетъ и возвышаетъ человѣка, столько соціализмъ, нынѣ тревожущій и раздирающій Западъ, искажаетъ людей, становитъ ихъ въ враждебныя отношенія ко всему существующему и другъ къ другу, и убиваетъ въ нихъ самыя естественныя и лучшія чувства и всякія понятія о справедливости и законности. Къ сожалѣнію, ненормальное распредѣленіе собственности и власти, и пользованіе выгодами, изъ нихъ проистекающими, составляли и нынѣ еще составляютъ тамъ не исключительныя, а почти общія и притомъ весьма поразительныя явленія; а потому та-

мошній соціализмъ есть не заносный, не случайно возникшій и не кратковременный недугъ, а такой, который коренится въ самыхъ основахъ западно-европейскаго быта и весь его проникаетъ, и который можетъ быть изцѣленъ только радикальными, въ теченіи долгихъ лѣтъ, пожалуй, даже столѣтій, настойчиво и разумно употребляемыми врачествами, и притомъ — едва ли безъ кризисовъ и значительныхъ потрясеній.

Впрочемъ, надо отдать справедливость Западу, что тамъ уже приступили, если и не прямо, то, по крайней мѣрѣ, косвенно къ разрѣшенію этой многотрудной задачи. Всѣ правительства обратили вниманіе на положеніе низшихъ классовъ населенія, привлекли ихъ болѣе или мѣнѣе къ участію въ государственномъ управленіи, вмѣнили себѣ въ обязанность подати и сборы сколь возможно уравнительнѣе раскладывать на всѣхъ гражданъ, принимая при этомъ въ особенное соображеніе ихъ вещественные и денежные капиталы, и что всего важнѣе — допустили свободное обсужденіе, и словесное и печатное, ученій возникшаго соціализма. Наука, съ своей стороны, также не осталась, въ этомъ отношеніи, въ бездѣйствіи: особенно въ Германіи, политико-экономы и такъ называемые катедеръ-соціалисты глубоко и многосторонне обсудили мнѣнія и требованія соціализма, оцѣнили ихъ съ возможнымъ безпристрастіемъ, и чрезъ то потрясли и даже уничтожали многія безразсудныя утвержденія, домогательства и мечтанія соціалистовъ-комму-

нистовъ, и указали правительствамъ и обществу тѣ справедливыя мѣры, которыя необходимо принять въ облегченіе и удовлетвореніе страждущихъ слоевъ народонаселенія. Но, при господствовавшемъ возбужденіи въ средѣ соціалистовъ и ихъ противниковъ, неудивительно что увлеченія большинства изъ нихъ, и въ рѣчахъ и въ печати, доходили до крайнихъ предѣловъ: первые проповѣдывали полное равенство людей, отсутствіе всякой частной собственности, общность пользованія всѣми богатствами, ниспроверженіе всякой религіи и верховной власти, и безразличное употребленіе всякихъ средствъ къ достиженію „высокихъ и необходимыхъ“, по ихъ словамъ, цѣлей человѣчества; а противники часто мѣнѣе опровергали и вразумляли ихъ, чѣмъ выставляли ихъ безумцами и врагами настоящаго человѣческаго преуспѣянія. Неудивительно также, что огромная часть населенія, не имѣвшая почти никакой собственности, жившая на фабрикахъ и заводахъ, а часто и тамъ не находившая себѣ пріюта, и всегда испытывавшая разныя а иногда и самыя тяжкія лишенія, съ жадностью и увлеченіемъ внимала рѣчамъ и обѣщаніямъ такъ называемыхъ соціалистовъ. Все болѣе и болѣе усиливавшаяся роскошь въ достаточныхъ и богатыхъ слояхъ общества, ихъ безумныя издержки, великолѣпная обстановка и страшная нравственная распущенность — оказывали соціалистамъ безцѣнныя пособія къ распространенію и утвержденію ихъ разрушительныхъ теорій. Понятно, что разумныя и хладнокровно изложенныя

опроверженія этихъ ученій со стороны людей науки и дѣла, не находили благодарной почвы для востановленія истины и мира въ политическихъ обществахъ, и что броженіе умовъ и страстей продолжалось. Нельзя однако не видѣть, что въ послѣднее время, соціализмъ-коммунизмъ значительно упалъ въ народномъ мнѣніи, что рѣчи проповѣдниковъ этаго ученія рѣже раздаются и мѣнѣе привлекаютъ къ себѣ слушателей, и что вообще оказывается нѣкоторый поворотъ отъ мечтательно-революціонной къ болѣе практической дѣятельности. Прежнія соціалистическія и коммунистическія мечты, понятія и попытки, подъ дѣйствіемъ свободной рѣчи и печати, значительно утратили силы и значенія. Тотъ соціализмъ, который жегъ Парижъ и грозилъ подобными же бѣдствіями Италіи и Германіи, уже безвозвратно отошелъ въ область прошедшаго. Наступилъ, въ дѣятельности соціалистовъ, новый фазисъ: они стали мѣнѣе расчитывать на содѣйствіе массъ, чѣмъ на свои личныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого, многіе вѣнценосцы и государственные люди подверглись величайшимъ опасностямъ отъ преступныхъ покушеній на ихъ жизнь со стороны безумныхъ соціалистовъ. Большая часть европейскихъ правительствъ вполнѣ разумно и вѣрно взглянула на эти покушенія: подвергая преступниковъ заслуженной ими карѣ, они не сочли необходимымъ издавать противъ соціализма особые законы, принимать противъ него исключительныя мѣры, и тѣмъ придавать ему излишнее значеніе и напрасно трево-

жить общественное мнѣніе и спокойствіе. Замѣчательно, что тѣ страны, гдѣ всего болѣе свободы и всего мѣнѣе произвола, и гдѣ соціалисты не встрѣчали почти никакихъ препятствій къ изложенію своихъ мнѣній въ собраніяхъ и печати — Швейцарія, Белгія, Голландія и Англія, почти вовсе не страдали отъ соціалистическихъ волненій. Тутъ эти ученія производили всего мѣнѣе дѣйствія; и рѣчи ихъ проповѣдниковъ слушались большею частью только изъ любопытства и возбуждали или смѣхъ или негодованіе. Если, во Франціи, соціализмъ и коммунизмъ сильно распространились, то причинами тому были заведенные Наполеономъ III порядки: страшный деспотизмъ, ограниченіе свободы слова и печати вообще, и усиленіе роскоши, вызванное и поощрявшееся самымъ правительствомъ. Теперь, даже возвращающіеся вожаки соціалистовъ не могутъ имѣть сильнаго вліянія на народныя массы; ибо утвердившаяся тамъ гражданская свобода, безпрепятственное развитіе общественной и политической жизни, и обращеніе вниманія властями законодательною и административною на нужды всѣхъ классовъ народонаселенія, значительно сократили число недовольныхъ въ тѣхъ именно слояхъ народа, гдѣ соціализмъ и коммунизмъ набирали себѣ всего болѣе приверженцевъ, и тѣмъ лишили эти ученія самой благопріятной для нихъ почвы. Теперь, въ западной Европѣ, нигдѣ такъ не силенъ революціонный соціализмъ или анархизмъ, какъ въ Германіи, гдѣ всего мѣнѣе свободы слова и печати, и гдѣ

противъ соціалистовъ установлены и тщательно исполняются весьма строгія узаконенія. Въ прошедшемъ году, диктаторъ Германіи, кн. Бисмаркъ, воспользовавшись двумя покушеніями на жизнь престарѣлаго, всѣми уважаемаго и любимаго императора Вильгельма, провелъ черезъ германскій сеймъ суровыя и крайне стѣснительныя мѣры противъ соціалистовъ. Теперь эта партія какъ бы поутихла; но едва ли подпольная ея дѣятельпость сократилась и число ея приверженцевъ уменьшилось. Увѣрены даже въ противномъ; ибо недовольство противъ Бисмарка и его порядковъ очень сильно, и разныя административныя мѣры неустанно принимаются противъ соціалистовъ. Новые законы о повышеніи сборовъ съ туземныхъ табака и соли, и о возвышеніи пошлинъ на провозные товары и даже на хлѣбъ — законы изданные отчасти въ угоду землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, т. е. капиталистовъ, а отчасти въ исполненіе какихъ-то особенныхъ глубокихъ политическихъ соображеній имперскаго канцлера, не могутъ не увеличивать числа недовольныхъ, особенно въ разрядѣ людей, всего болѣе тратящихъ своихъ трудовыхъ денегъ на покупку хлѣба, соли и табака. Конечно этимъ кн. Бисмаркъ не облегчаетъ себѣ борьбу съ соціализмомъ, ибо такимъ образомъ онъ обращаетъ къ нему всего болѣе недовольныхъ его распорядками. Какъ ни велики таланты имперскаго канцлера и какъ ни сильно его вліяніе на имперскій сеймъ и на народъ вообще, но едва ли побѣда останется

за нимъ. И въ Culturkampf'ѣ пришлось ему уступить клерикаламъ, и сверхъ того, вопреки убѣжденіямъ, прежде твердо и торжественно имъ заявленнымъ, онъ вынужденъ былъ согласиться на нѣкоторыя требованія образовавшагося въ сеймѣ большинства, совершенно противныя интересамъ имперіи и вполнѣ благопріятныя существованію отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Сильно сомнѣваемся чтобы, съ помощью ограничительныхъ и карательныхъ мѣръ, принятыхъ противъ соціализма, и при системѣ администраціи, кн. Бисмаркомъ вообще усвоенной, удалось ему окончательно подавить это ученіе и его пропаганду. Никогда преслѣдованія религіозныхъ или политическихъ сектъ или согласій не приводили къ ихъ уничтоженію. Подпольныя дѣйствія всегда сильнѣе явныхъ; запрещенный плодъ всегда прельщаетъ людей; и мученическій вѣнецъ всегда имѣлъ и будетъ имѣть на нихъ чарующее дѣйствіе.

Всякое ученіе, хотя нѣсколько распространяющееся и утверждающееся въ народѣ, необходимо содержитъ въ своей основѣ какую-либо истину или хотя видъ ея, и протестъ противъ существующихъ злоупотребленій; иначе оно не встрѣтило бы сочувствія и замерло бы при самомъ своемъ рожденіи. Соціализмъ и коммунизмъ, въ этомъ отношеніи, особенно замѣчательны: въ своихъ первоначальныхъ основахъ, они какъ будто согласны съ тѣмъ, чему училъ насъ Спаситель — безграничной любви къ ближнему, раздачѣ своего имущества нуждающимся

и общности между людьми земныхъ богатствъ. Соціалисты-коммунисты приняли это ученіе, но только на выворотъ: они проповѣдуютъ не раздачу своего имущества нуждающимся, а отнятіе его у имущихъ; не добровольное соединеніе его въ общее пользованіе, а насильственное его присвоиваніе общинѣ; и хотя они и много говорятъ о братствѣ и любви къ братьямъ, однако эта любовь выходитъ чѣмъ-то бездушнымъ и болѣе походящимъ на вражду чѣмъ на дружбу, ибо лишаетъ людей всякихъ семейныхъ связей, которыя для человѣка вполнѣ естественны и совершенно необходимы. Сверхъ того, въ соціализмѣ и коммунизмѣ содержится яркій протестъ противъ того, что имущества распредѣлены теперь, особенно въ западной Европѣ, самымъ несправедливымъ, даже уродливымъ образомъ; что законы, до послѣднихъ временъ, составлялись исключительно меньшинствомъ, захватившимъ власть въ свою пользу и въ ущербъ большинства; и что послѣднее считалось существующимъ какъ-бы на службу и въ угоду перваго. Этотъ протестъ едва-ли не всего болѣе придавалъ силы и значенія этимъ разрушительнымъ ученіямъ. Конечно не въ оправданіе, а въ нѣкоторое извиненіе соціалистовъ-коммунистовъ надо сказать, что какъ установленныя власти позволяли себѣ дѣйствовать противъ нихъ всякими угрозами, насильями и карами; то и эти протестанты считали и считаютъ себя вправѣ и даже вынужденными дѣйствовать противъ нихъ всякими безъ разбора средствами.

Какъ ни нелѣпы многія ученія соціалистовъ-коммунаровъ, и какъ ни гнусны нѣкоторыя ихъ дѣйствія, однако, при нынѣ существующихъ порядкахъ, нельзя безусловно осуждать соціализмъ и коммунизмъ и относиться къ нимъ съ одними запретами и карами. Премудры тѣ правительства, которыя не зажимаютъ имъ рта и позволяютъ имъ выбалтываться вдоволь, и которыя, не имъ въ угоду а имъ въ ущербъ, принимаютъ мѣры къ улучшенію быта недостаточныхъ классовъ народа, къ расширенію правъ всѣхъ гражданъ вообще, и къ отмѣнѣ существующихъ льготъ въ пользу однихъ и въ отягощеніе остальныхъ. Этимъ путемъ только можно противудѣйствовать усиліямъ враговъ общественнаго устройства и востановлять въ государствѣ миръ и довольство.

У насъ на Руси также оказались соціалисты; такъ, по крайней мѣрѣ, себя называютъ люди, возстающіе противъ всякихъ, какъ они говорятъ, „предразсудковъ“ и противъ всего существующаго, отвергающіе всякую религію, всякую нравственность, на ней основанную, всякую власть, всякія семейныя связи и всякую частную собственность; и считающіе не только возможнымъ, но и обязательнымъ употребленіе всякихъ средствъ къ достиженію какихъ-то „высокихъ“, но для нихъ самихъ неясныхъ цѣлей. Думаемъ, что всего мѣнѣе приличествуетъ этимъ людямъ названіе „соціалистовъ“; ибо, и въ вожакахъ ихъ и въ нихъ самихъ, вполнѣ отсутствуютъ свойства необходимыя къ устрой-

ству свободнаго, правильнаго общества, къ водворенію настоящаго, непринужденнаго братства между людьми, и къ развитію въ нихъ чувствъ искренней любви къ ближнему, состраданія къ его бѣдствіямъ и уваженія къ его жизни, къ личнымъ его свойствамъ и правамъ*). Наши соціалисты называютъ себя также революціонерами и даже бунтовщиками (въ Набатѣ" и многихъ брошюрахъ); эти названія болѣе соотвѣтствуютъ ихъ образу мыслей и дѣйствій; но и эти имена еще не вполнѣ выражаютъ сущности этаго направленія. Всего вѣрнѣе и выразительнѣе оно опредѣляется названіемъ, ему даннымъ, хотя его сторонниками и не принятымъ — именно названіемъ „нигилизма". Онъ возникъ у насъ не изъ дѣйствительныхъ народныхъ свойствъ и нуждъ; это доказывается тѣмъ, что ни низшіе, ни средніе, ни высшіе слои населенія не питаютъ

*) У насъ теперь въ обществѣ слова: *соціализмъ, соціальный, соціалисты*, употребляются только въ дурномъ значеніи, какъ будто злоупотребленіе вещью или понятіемъ уничтожаетъ ихъ добрыя, настоящія свойства. Слово соціализмъ выражаетъ склонность и потребность человѣка жить въ обществѣ. Неужель противуположное, т. е. расположеніе чуждаться общества лучше чѣмъ стремленіе въ немъ жить и утверждаться? Всякія преступленія суть дѣйствія конечно не соціальныя а антисоціальныя, и самый такъ называемый соціализмъ вѣрнѣе и справедливѣе было бы называть антисоціализмомъ, ибо онъ уничтожаетъ самыя естественныя и самыя дорогія для людей связи. — Надѣемся что и слово „соціализмъ" сподобится со временемъ участи слова „либерализмъ": было время, что послѣднее считалось почти браннымъ словомъ и во всякомъ случаѣ оно далеко не выражало чего либо добраго; а теперь и жестокіе реакціонеры рядятся въ либераловъ, и проводя свои мнѣнія и мѣры, стараются придавать имъ хотя оттѣнокъ либеральный.

къ нему никакого сочувствія. Это направленіе явилось на свѣтъ такъ изъ ничего — изъ пустоты нашей жизни. Оно богато отрицательными стремленіями, ибо разрушеніе, уничтоженіе всего существующаго, по собственному сознанію и заявленію его послѣдователей, составляетъ главную цѣль его дѣятельности; есть у него какія-то мечты для будущаго, но простое ихъ указаніе не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ ихъ неосуществимости; положительнаго, къ жизни примѣнимаго, оно не имѣетъ въ виду *ничего*. Средства дѣйствія этого направленія носятъ на себѣ тотъ же отрицательный характеръ: сперва его послѣдователи, идя „въ народъ“, хотѣли дѣйствовать словомъ и распространеніемъ книжекъ, и тѣмъ привлекать себѣ приверженцевъ и возбуждать въ народѣ неудовольствіе и возстаніе противъ установленныхъ властей; но, убѣдившись въ несочувствіи къ нимъ даже крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ, которыхъ они хотѣли облагодѣтельствовать, нигилисты рѣшились дѣйствовать прямо, не чуждаясь никакихъ средствъ, лишь бы они вели къ цѣли — къ разрушенію всего существующаго и къ превращенію всего въ *ничто*. Слѣдовательно, никакое слово такъ вѣрно не выражаетъ сущности этого направленія, какъ слово: nihil-измъ.

Да! таково это направленіе, чествующее себя у насъ именемъ соціализма. Въ немъ нѣтъ ничего народнаго — такого, что было бы внушено и создано свойствами нашего народнаго духа. Впрочемъ ко всему національному, нигилисты относятся съ

презрѣніемъ, превознося и отстаивая одно общечеловѣческое, какъ будто человѣкъ или народъ можетъ быть не самимъ собою, а человѣкомъ или частью человѣчества вообще. Всѣ главныя мнѣнія нашего, такъ называемаго соціализма выхвачены изъ рѣчей и книжекъ западныхъ соціалистовъ-революціонеровъ, съ приправкою этихъ позаимствованій собственными нелѣпостями, которыя даже совѣстно слушать или читать. Рабочій вопросъ, деспотизмъ капитала, лишеніе большинства населенія всякой поземельной собственности и пр. — вопросы первостепенной важности въ западной Европы, у насъ не имѣютъ никакого смысла. Въ нашемъ обширномъ и малонаселенномъ отечествѣ не рабочій нуждается въ работѣ, а капиталъ ищетъ и едва его находитъ; не капиталъ деспотствуетъ, а мы страдаемъ недостаткомъ капиталовъ; землею надѣлены болѣе или мѣнѣе почти всѣ, и нѣтъ особенныхъ затрудненій къ новымъ ея пріобрѣтеніямъ. Въ добавокъ ко всѣмъ этимъ пересаженнымъ къ намъ несообразностямъ, нигилисты проповѣдуютъ избіеніе личныхъ собственниковъ и лицъ власть предержащихъ, фактивные какіе-то браки и разрушеніе разныхъ самыхъ дорогихъ для народа вѣрованій. Мы имѣемъ свои и конечно весьма тяжкіе недуги, но отъ тѣхъ, которые на Западѣ породили соціализмъ, мы почти вовсе свободны. Нашъ народъ, хотя и весьма за общинное начало землевладѣнія и внутренняго устройства своего общества, однако онъ также крѣпко стоитъ и за личную собствен-

ность. Сверхъ того, семейныя связи, противъ которыхъ такъ возстаетъ нигилизмъ, въ нашемъ народѣ очень сильны; простолюдины даже не понимаютъ чтобы можно было жить безъ или внѣ семьи; они ходятъ и на дальнія заработки, но постоянно стремятся возвратиться въ свою семью, въ свой домъ; и человѣкъ безъ семьи, считается какъ бы несчастнымъ, заслуживающимъ состраданія и участія. Нашъ народъ искренне и горячо религіозенъ, нелицемѣрно и отъ души преданъ верховной власти, и сильно привязанъ къ старымъ обычаямъ и ко всему издавне установившемуся. Нигилизмъ, напротивъ того, считаетъ все это предразсудками — остатками или крѣпостнаго права или невѣжества или суевѣрія, и, вмѣсто живыхъ чувствъ и убѣжденій, подноситъ народу такія общія, безжизненныя понятія, что онъ или со смѣхомъ или съ негодованіемъ отъ нихъ отворачивается. Нашъ народъ не имѣетъ никакихъ расположеній къ революціонизму; правда, онъ иногда бунтовалъ, но и самые его бунты имѣли характеръ или только пассивный, т. е. онъ отказывался отъ исполненія того, что считалъ противнымъ его совѣсти, или даже вѣрноподданническій, т. е. въ защиту верховной власти лицъ, несправедливо, по его мнѣнію, ея лишенныхъ. Слѣдовательно нашъ нигилизмъ народился вовсе не изъ народныхъ потребностей, а совершенно вопреки и наперекоръ имъ; а потому и не удивительно что отправившіеся „въ народъ“ возвратились изъ него вполнѣ имъ недовольными.—Нашъ нигилизмъ также

не возникъ изъ собственныхъ хотя теоретическихъ измышленій и соображеній русскихъ людей, опередившихъ своихъ современниковъ: стоитъ просмотрѣть произведенія нашей заграничной, такъ называемой соціалистической литературы, и легко убѣдиться что въ ней нѣтъ ни одной книги или книжонки замѣчательной по мыслямъ, чувствамъ или даже по изложенію*). Единственное ихъ достоинство, единственная ихъ прелесть заключается въ томъ, что онѣ въ Россіи строго запрещены и что трудно ихъ тамъ достать. Когда пробѣгаешь эти книжонки и журналы, то становится даже стыдно, что русскій умъ не съумѣлъ написать чего-нибудь получше. За границею справедливо оцѣнили эти произведенія: ни одно изъ нихъ, сколько намъ извѣстно, не удостоилось перевода на какой-либо иностранный языкъ.

Замѣчательно, что наши нигилисты вышли не

*) За границею, мы имѣли въ рукахъ много книгъ, брошюръ и журналовъ (Впередъ, Община, Набатъ и др.) соціалистическаго направленія; приступали къ этому чтенію съ искреннимъ желаніемъ извлечь изъ нихъ что-нибудь оправдывающее ихъ появленіе въ печати; но оригинальнаго, нѣсколько обдуманнаго или хорошо изложеннаго — мы не находили ничего. Брань, клевета, страшныя нелѣпости, извѣстія или до крайности преувеличенныя или и вовсе вымышленныя — вотъ все содержаніе этихъ произведеній. Всего умнѣе и лучше написанною оказалась книга: „Сытые и голодные“. Эта книга написана дѣйствительно порусски и довольно ловко. Большинство же статей, брошюръ и книгъ такъ называемаго соціалистическаго направленія отличаются безграмотностью и употребленіемъ иностранныхъ и еще какихъ-то вновь сочиненныхъ непонятныхъ русскихъ словъ.

изъ одного какого либо сословія или состоянія, протестующаго противъ прочихъ болѣе привилегированныхъ. Нѣтъ! въ числѣ нигилистовъ имѣются рекруты изъ всѣхъ сословій, и по преимуществу изъ молодыхъ ихъ членовъ. Замѣчательно также, что большинство изъ послѣднихъ привлечено не какими либо личными выгодами или даже надеждами на такіе выгоды, но одушевлено какимъ-то чувствомъ долга, дѣйствуетъ съ самоотверженіемъ и, при судебныхъ производствахъ, поражаетъ откровеннымъ заявленіемъ своихъ стремленій и стойкостью въ своихъ мнѣніяхъ. — Какъ это ученіе и общество не вызваны и не порождены свойствами и потребностями русскаго народа; какъ въ основѣ этой секты или согласія нѣтъ никакой самобытной истины; и какъ однако нигилизмъ на Руси существуетъ и даже въ размѣрахъ довольно значительныхъ, и много заставляетъ о себѣ говорить; то долженъ же онъ имѣть sa raison d'être, т. е. должна же быть причина его существованія. Какая же эта причина? Что же сообщаетъ ему жизненность и даже силу?

Причинъ къ возникновенію и распространенію въ Россіи чего-либо протестующаго, враждующаго противъ существующихъ порядковъ и стремящагося къ оживленію, къ обновленію нашей жизни и къ установленію иныхъ способовъ дѣйствія и существованія — много, очень много. Едва-ли даже въ средѣ тѣхъ, которые заправляютъ нынѣшними порядками, имѣются люди ихъ одобряющіе, ими

довольные и не признающіе необходимости и неотложности ихъ измѣненія. Выше мы изложили, и кажется безъ всякаго преувеличенія, неудовлетворительность нашего положенія вообще, и сказали, что число недовольныхъ, во всѣхъ слояхъ народа, увеличивается съ каждымъ днемъ. Не соціалисты или нигилисты къ этому содѣйствуютъ; напротивъ того, страхомъ и нерасположеніемъ, ими къ себѣ внушаемыми, они поддерживаютъ существующее, ибо никто не согласится промѣнять даже нынѣшніе порядки на тѣ, которые они намъ сулятъ. Слѣдовательно не нигилисты возбуждаютъ неудовольствіе противъ Правительства и умножаютъ число имъ недовольныхъ, а неудовлетворительность нашего положенія, его пустота, безжизненность и тяжесть гонятъ особенно молодежь, мѣнѣе терпѣливую и болѣе чувствующую избытокъ силъ, къ единственному въ Россіи протестующему и дѣйствующему обществу. Нельзя не сознаться, что, въ настоящее время, всѣмъ на Руси, душно и едва невыносимо. Появленіе законовъ, какъ deus ex machina, безъ всякаго ихъ предварительнаго обсужденія въ обществѣ и печати, и почти безъ всякаго вниманія къ нуждамъ страны; назначеніе на административныя и прочія должности людей, не отличающихся своими способностями и вовсе не пользующихся общимъ уваженіемъ; произволъ, невѣжество и даже съумасбродство этихъ людей при исполненіи ими своихъ обязанностей; безобразное хозяйниченіе казенными деньгами и все усиливающееся ихъ расхищеніе

всякими законными и противузаконными способами; необезпеченность существованія людей отъ дѣйствій полиціи явной и тайной; неуменьшающееся а все болѣе и болѣе усиливающееся стѣсненіе свободы мысли и слова въ печати — всѣ эти порядки, бывшіе сносными во времена крѣпостнаго права, становятся невыносимыми теперь, когда мы почуяли жизнь иную, когда люди перестали быть принадлежностью другихъ или владѣльцами себѣ подобныхъ, когда введены земскія учрежденія, гласный и изустный судъ, и когда была обѣщана и отчасти даже дарована нѣкоторая свобода печати. На такое тяжкое положеніе жалуются всѣ и вездѣ: неудивительно, что молодежь и люди нѣсколько пылкіе и своими частными дѣлами удрученные, отъ словесныхъ отзывовъ и жалобъ, переходятъ къ желанію что-нибудь сдѣлать и болѣе существенное. Неудивительно также, что находятся люди, которые примыкаютъ къ нигилистамъ и не по убѣжденію и не ради общей пользы, а просто по нуждѣ — изъ желанія устроить какъ-нибудь свои собственныя дѣла. Неудовлетворительность нашего положенія, *пустота, безжизненность и духота* нашего существованія — вотъ главныя причины возникновенія, распространенія и усиленія у насъ нигилизма.

Нельзя еще не сказать, что весьма сильно помогаетъ и благопріятствуетъ развитію нигилизма, та система образованія, которая принята и тщательно проводится нынѣшнимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Мы уже выше говорили о

ней довольно обстоятельно; но здѣсь не можемъ о ней не упомянуть, ибо считаемъ ее одною изъ главныхъ причинъ успѣховъ нигилизма въ Россіи. Обученіе и воспитаніе должны въ юношествѣ пуще всего развивать его собственныя умственныя и нравственныя способности, доставлять ему здоровую и подкрѣпительную пищу, и тѣмъ образовывать людей съ самобытнымъ мышленіемъ и съ твердымъ характеромъ. Къ прискорбію, наши учебныя заведенія доставляютъ по большей части недоучекъ, относящихся къ наукѣ съ отвращеніемъ, а къ существующимъ порядкамъ съ презрѣніемъ и злобою. Мудрено ли что они обращаются къ нигилизму и усиливаютъ ряды его приверженцевъ?

III.

Крайне грустное событіе 2 апрѣля заставило Правительство принять чрезвычайныя мѣры къ преслѣдованію соціалистовъ-революціонеровъ-нигилистовъ, къ прекращенію ихъ пропаганды и дѣйствій, становившихся все болѣе и болѣе дерзкими, и къ искорененію, по возможности, зловредныхъ ученій соціализма-нигилизма. Образованы, указомъ 8 апрѣля, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, временныя генералъ-губернаторства съ правами почти самодержавной власти, и съ подчиненіемъ имъ разныхъ смежныхъ губерній. Такія же права предоставлены уже существующимъ генералъ-губернаторамъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ введено военное положеніе такъ, что гражданское управленіе и гражданскій судъ остаются въ дѣйствіи на столько, на сколько они не ограничены потребностями военнаго положенія. Принятіе этихъ мѣръ было для Правительства, конечно, и тяжело и грустно; но оно было совершенно необходимо: дерзость злоумышленниковъ доходила до крайнихъ предѣловъ. Никто изъ людей разсудительныхъ, дорожащихъ спокойствіемъ и благосостояніемъ отечества, и преданныхъ Государю,

и не подумалъ осуждать эти принятыя мѣры. Напротивъ того, общественное мнѣніе ихъ вполнѣ одобрило, и особенно когда узнало, что, на мѣста генералъ-губернаторовъ, назначены люди, пользующіеся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Всѣ увѣрены, что они не употребятъ во зло огромныхъ имъ предоставленныхъ правъ и будутъ ими пользоваться на столько, на сколько то будетъ совершенно необходимо. Всѣ также увѣрены, что эти высокіе сановники исполнятъ возложенное на нихъ порученіе въ границахъ возможности. Но что могутъ они сдѣлать? Усилить составъ и бдительность полиціи; издать нѣкоторыя правила къ огражденію общаго спокойствія; выслать въ отдаленныя губерніи нѣсколькихъ людей подозрительныхъ; отдать подъ военный судъ обвиняемыхъ въ чемъ-либо политически-преступномъ; конфирмовать приговоры военныхъ судовъ; еще болѣе стѣснить цензуру; еще строже наблюдать за всякими сходами и собраніями — вотъ все, что въ состояніи совершить генералъ-губернаторы; болѣе сдѣлать и далѣе идти, кажется, имъ невозможно. Но достаточны ли всѣ эти мѣры къ востановленію мира и спокойствія въ странѣ нашей, къ водворенію въ ней той обезпеченности, безъ которой невозможно развитіе земледѣлія, промышленности и торговли, и къ упроченію за русскими гражданами тѣхъ благъ, безъ которыхъ, въ настоящее время, въ Европѣ, немыслимо существованіе и процвѣтаніе государствъ? Конечно, нѣтъ. Вопервыхъ потому, что такое чрезвычайное учреж-

деніе какъ генералъ-губернаторства съ военнымъ положеніемъ и съ неограниченными правами, можетъ существовать только мѣсяцы, пожалуй даже одинъ, два года, но уже никакъ не болѣе. Вовторыхъ, самыя эти генералъ-губернаторства не только по природѣ русской а просто человѣческой, не въ состояніи, долгое время, продолжать чрезвычайно усиленную, такъ сказать, болѣзненную дѣятельность; они непремѣнно утомятся, стихнутъ, нѣсколько успокоятся, и тогда, при отсутствіи обыкновеннаго законнаго теченія дѣлъ, положеніе страны должно сдѣлаться уже вовсе невыносимымъ. Въ третьихъ, какъ Русскіе вообще ни терпѣливы, но на все есть предѣлъ; что́, по нуждѣ, въ теченіи короткаго времени можно переносить, то становится нестерпимымъ при нѣсколько продолжительномъ существованіи. Въ четвертыхъ, мы никакъ не можемъ и не должны забывать, что мы въ Европѣ и имѣемъ дѣла и съ европейскими кабинетами и съ европейскимъ финансовымъ міромъ; временное военное положеніе бываетъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ и въ республикахъ; но продолжительное, переходящее за предѣлы крайней необходимости внѣзаконное состояніе, немыслимо въ государствѣ, требующемъ для себя полновѣснаго голоса по дипломатическимъ сношеніямъ и переговорамъ или какъ говорится „dans le concert européen“, и имѣющемъ неизбѣжную надобность въ кредитѣ не у отдѣльныхъ банкировъ, которыхъ еще можно такъ или сякъ задобрить, но у всего финансоваго міра; иначе

какъ разъ попадетъ Россія въ роль Турціи, что́ конечно болѣе чѣмъ нежелательно. Наконецъ, въ пятыхъ, и этимъ никакъ пренебрегать нельзя: при самой бдительной полиціи и при самыхъ строгихъ взысканіяхъ и наказаніяхъ, подпольная дѣятельность злоумышленниковъ возможна, и она можетъ быть тѣмъ ловчѣе и дерзче, чѣмъ гнетъ сверху тяжче. Повторяемъ сказанное нами выше: Еще никогда никакая секта, никакое ученіе, никакое согласіе или общество, не уничтожилось преслѣдованіями—этого отнють не должно упускать изъ вида; противъ нихъ надо дѣйствовать иными средствами, и на нихъ-то необходимо обратить полное вниманіе.

Какія же эти иныя средства?

Необходимо изъять изъ подъ нигилизма ту почву, которая не только благопріятствуетъ его развитію и распространенію, но даетъ ему возможность существованія на Руси.

Какъ же этого достигнуть?

Выше мы сказали, и если и не вполнѣ доказали, то думаемъ, довольно ясно указали, что *пустота* нашей жизни есть именно то, что даетъ нигилизму поводъ и пищу для его дѣятельности и даже для его бытья на Руси. Слѣдовательно, эту-то *пустоту* и слѣдуетъ уничтожить, т. е. установить тѣ необходимыя условія, при которыхъ жизнь наша могла бы, сколь возможно полнѣе, развиваться согласно требованіямъ настоящаго времени и степени нашего образованія.

Въ чемъ же заключаются эти условія?

Во 1-хъ, въ обезпеченіи гражданамъ свободы и самостоятельности въ ихъ частномъ бытѣ. Ничто такъ не подавляетъ людей, не препятствуетъ развитію ихъ силъ и способностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общаго народнаго благосостоянія и государственнаго могущества, какъ неувѣренность гражданъ въ томъ, что́ можно и чего нельзя дѣлать, и что дозволено сегодня будетъ ли дозволено и завтра. Нѣкоторыя запрещенія, во всякомъ гражданскомъ обществѣ, неизбѣжны; но великая разница въ томъ, запрещается что либо по капризу начальства и ради выгоды однихъ и во вредъ другимъ, или потому что такое или иное дѣйствіе дурно или вредно само по себѣ и не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ обществѣ. Безъ такой увѣренности, не можетъ процвѣтать никакая отрасль человѣческой дѣятельности, и люди не могутъ быть сами собою и слѣдовательно довольными своимъ положеніемъ.

Во 2-хъ, въ участіи въ мѣстномъ самоуправленіи, ибо никто не можетъ лучше знать, что́ нужно для всякой мѣстности какъ она сама, усерднѣе исполнить признанное за нужное какъ ея обыватели, и бдительнѣе наблюдать за совершаемымъ и происходящимъ тамъ, какъ само общество — совокупность мѣстнаго населенія. Мы, правда, имѣемъ самоуправленіе и земское и городское; но, къ сожалѣнію, и то и другое весьма не полно, не твердо и не самостоятельно. Общегосударственная администрація сокращаетъ область нашего самоуправленія

произвольно и безнаказанно; организація его такова, что земскіе и городскіе дѣятели не только могутъ быть задерживаемы и стѣсняемы, но и дѣйствительно часто задерживаются и стѣсняются въ ихъ дѣятельности, и притомъ, не на основаніи закона и не предсѣдателями, ими самими избранными, а по указаніямъ администраціи и лицами, отъ ихъ избранія независящими; и самыя постановленія этихъ представительныхъ собраній могутъ быть опротестуемы губернаторами, что̀ случается нерѣдко и что̀ влечетъ за собою неисполненіе такихъ постановленій, если и не на всегда, то по большей части на долгое время. Одно весьма существенное право, дарованное земствамъ и городамъ, именно право ходатайства предъ высшимъ Правительствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, не только часто нарушается тѣмъ, что обо многомъ не позволяютъ и говорить въ собраніяхъ, но оно почти уничтожено системою, принятою министерствомъ внутреннихъ дѣлъ — постоянно оставлять безъ удовлетворенія земскія и городскія ходатайства; для чего имъ и выработаны двѣ, три формулы, которыя оно и употребляетъ, для уѣздныхъ и городскихъ ходатайствъ—собственною властью, а для губернскихъ — черезъ посредство комитета министровъ. На дѣлѣ выходитъ такъ: на бумагѣ и даже въ видимыхъ образахъ земскихъ собраній, городскихъ думъ, уѣздныхъ, губернскихъ и городскихъ управъ, мы какъ бы имѣемъ мѣстное самоуправленіе; въ дѣйствительности же мы его почти вовсе лишены. —

Удивительно ли вслѣдствіе того, что дѣятельность гражданъ слабо относится къ этимъ учрежденіямъ, и что самые ревностные земцы и горожане, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудовъ и разочарованій, покидаютъ съ грустью эти занятія?

Ни личная и имущественная обезпеченность гражданъ, ни мѣстное самоуправленіе не могутъ быть дѣйствительными и имѣть надлежащую силу и значеніе, безъ существованія учрежденія, завершающаго мѣстное самоуправленіе и дающаго каждому гражданину право участія, хотя самаго отдаленнаго, въ устройствѣ и отправленіи общихъ дѣлъ страны. Въ этомъ мы могли вполнѣ убѣдиться изъ опыта, неподлежащаго, кажется, никакому сомнѣнію и опроверженію. Государь Императоръ уничтожилъ крѣпостную зависимость однихъ людей отъ другихъ, даровалъ намъ судъ гласный и изустный, земскія и городскія представительныя учрежденія, и тѣмъ выразилъ свое желаніе и волю предоставить намъ пользованіе тѣми двумя условіями, о которыхъ мы выше говорили. И что же вышло изъ этихъ Высочайшихъ благихъ намѣреній и мудрыхъ рѣшеній? Безъ высшаго общаго представительнаго учрежденія, они остались почти безъ всякаго дѣйствія. Это учрежденіе одно, безъ страха и лицепріятія, съ сознаніемъ и вполнѣ откровенно можетъ высказывать верховной власти общее мнѣніе страны на счетъ ея пользъ и нуждъ; только черезъ такое учрежденіе Государь можетъ узнавать правду и повелѣвать съ увѣренностью въ пользѣ, своевре-

менности и удобоисполнимости Его рѣшеній, и въ томъ, что они будутъ надлежащимъ образомъ приводимы въ дѣйствіе. А потому, къ первымъ двумъ указаннымъ условіямъ, необходимо присовокупить третье:

Участіе гражданъ въ общемъ земскомъ учрежденіи, въ которомъ разсматривались и обсуждались бы всѣ проекты законовъ, опредѣлялись и провѣрялись бы государственные доходы и расходы, подвергались бы пересмотру всѣ ходатайства земскихъ и городскихъ собраній, и высказывалось бы, въ законной и положительной формѣ, общественное мнѣніе по всѣмъ дѣламъ, передаваемымъ Правительствомъ на заключеніе этого учрежденія. Мы уже высказали и, думаемъ, доказали, въ особо изданной книжкѣ (Общая земская дума въ Россіи. Берлинъ, 1875), что такое учрежденіе нисколько не ограничитъ самодержавія нашего Государя; что, предполагая созывъ Общей земской думы, мы вовсе не имѣемъ въ виду какую либо, въ западномъ смыслѣ составленную конституцію; и что мы искренне и крѣпко стоимъ за сохраненіе существующаго у насъ самодержавія. Тамъ мы изложили также наше мнѣніе о томъ, какой долженъ быть составъ этой думы, какіе предметы имѣютъ подлежать ея вѣденію, какія права ей слѣдуетъ предоставить и какія обязанности необходимо на нее возложить. Не будемъ повторять здѣсь довольно обстоятельно тамъ объясненнаго, но не можемъ теперь не сказать, что чѣмъ болѣе мы вдумывались въ мысль

объ учрежденіи въ Россіи Общей земской думы, на основаніяхъ, въ упомянутой книжкѣ изложенныхъ, тѣмъ болѣе мы убѣждались въ пользѣ, необходимости и неотложности такого нововведенія. Пока Правительство не рѣшится на эту мѣру, оно будетъ ходить и дѣйствовать въ потемкахъ, издавать законы неудобоисполнимые, не знать что происходитъ въ обширной нашей имперіи, ибо оффиціальныя донесенія сгущаютъ мракъ его невѣденія а вовсе его не разсѣеваютъ, и Правительство будетъ нуждаться въ людяхъ дѣльныхъ и знающихъ не одинъ Петербургъ съ его департаментами и канцеляріями, а пространную и до крайности разнообразную нашу имперію. А ея населеніе, до учрежденія Общей земской думы, будетъ, какъ и доселѣ, развиваться слабо, не улучшать а ухудшать свой нравственный, умственный и матеріальный бытъ, и влачить жизнь пошлую, лишенную всякой самостоятельности и вполнѣ благопріятную для дѣйствія на нея нигилизма и другихъ лжеученій.

Еще есть одно условіе — conditio sine qua non успѣшнаго дѣйствія первыхъ трехъ изложенныхъ условій: оно заключается въ предоставленіи русскому человѣку свободы печати, съ отвѣтственностью за напечатанное передъ судомъ. Говорить здѣсь что либо въ пользу этой свободы — считаемъ не только излишнимъ, но обиднымъ для читателя: кто же теперь, въ просвѣщенномъ мірѣ, въ этомъ сомнѣвается? Если цензура у насъ еще существуетъ,

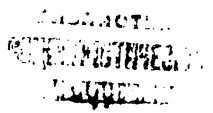
то это только потому, что упомянутыя три условія въ Россіи еще не получили права гражданства. Пока они еще не въ дѣйствіи, не можетъ существовать и свобода печати, ибо, при тайнѣ, остающейся атмосферою законодательныхъ и административныхъ дѣйствій Правительства, и при отсутствіи учрежденія, гдѣ оно могло бы ихъ разъяснять и защищать, нѣтъ возможности допустить свободное обсужденіе нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій. Во всемъ образованномъ мірѣ, и въ Европѣ и въ Америкѣ, свобода печати сдѣлалась необходимою принадлежностью гражданственности; вездѣ ею пользуются, вездѣ признано благое ея вліяніе на ходъ дѣлъ общественныхъ и политическихъ, и нигдѣ отъ того не обезсиливаются правительства и не нарушаются общественный миръ и спокойствіе; неужель одна Россія должна, въ этомъ отношеніи, составлять исключеніе?

Пришлось мнѣ слышить, и не отъ одного нашего высокаго сановника, слѣдующія рѣчи: „нельзя теперь ни расширять свободы печати, ни созывать общей земской думы, ни предпринимать какихъ либо либеральныхъ реформъ, потому что такія нововведенія сочлись бы уступками подпольнымъ агитаторамъ, которые хотятъ и всѣми средствами стараются навести на насъ страхъ и ужасъ. Повремените. Дайте намъ съ ними справиться, и тогда мы подумаемъ о томъ, что̀ нужно сдѣлать для удовлетворенія настоящихъ нуждъ страны.“ — Такія рѣчи

обличаютъ въ лицахъ, такъ говорящихъ, полное непониманіе сущности нигилизма и способовъ его дѣйствія, а равно и крайнюю близорукость въ отношеніи къ средствамъ ему противудѣйствовать. Все что̀ дѣлается къ стѣсненію свободы и правъ гражданъ и чрезъ то къ умноженію числа недовольныхъ, — вполнѣ на руку нигилизму; все же что̀ предпринимается въ удовлетвореніе народныхъ потребностей и чѣмъ привлекаются къ дѣлу народныя силы. — все это наноситъ ущербъ нигилизму. Разрушеніе всего существующаго — вотъ его цѣль; усиленіе неудовольствія противъ Правительства, умноженіе числа недовольныхъ, возбужденіе всякихъ безпорядковъ, убійства и поджоги — вотъ его средства. Слѣдовательно, улучшеніе, преобразованіе и пополненіе существующаго есть дѣйствіе совершенно враждебное нигилизму и бьющее на его коренное уничтоженіе.

Да! Положеніе наше болѣе чѣмъ трудно. Тревожитъ насъ нигилизмъ; но эта язва поразила тѣло Россіи только извнѣ и только вслѣдствіе другихъ недуговъ, которыми мы дѣйствительно страдаемъ. Обезпечьте нашъ частный бытъ; осуществите мѣстное самоуправленіе согласно первоначальной мысли, его намъ доровавшей; дайте землѣ русской возможность, черезъ людей, ею излюбленныхъ, высказывать общественное мнѣніе о пользахъ и нуждахъ страны и участвовать въ устройствѣ и веденіи ея общихъ дѣлъ; предоставьте русскимъ людямъ то право, ко-

торымъ пользуются граждане всего образованнаго міра — право свободно и за своею отвѣтственностью высказывать свои мнѣнія и чувства; и не станетъ у насъ нигилизма и что́ еще важнѣе — не станетъ и другихъ недуговъ, насъ томящихъ, обезсиливающихъ и убивающихъ.



Печатано въ Типографіи П. Станкіевича въ Берлинѣ.